

Эликсир

Новая серия Ковенант

Дженифер Л
Арменроут

Перевод для сайта ok-booksources.net

Annotation

Для того, чтобы спасти Алекс, Айден Св. Дельфи пойдет на всё, что угодно. Даже если это означает совершить поступок, за который он себя никогда не простит. Даже если это означает вступить в войну против богов.

- -
 -
 -
-

Дженнифер Арментроут – Эликсир – Ковенант -3.5

Переводчику Marina_lovat, Roven

Редакция : yanamudrik

Глава 1

Алекс сжала титановые прутья, доведенные до совершенства Гефестом и Аполлоном, янтарно-желтые глаза пылали ненавистью. Но эти глаза ... они не принадлежали Алекс.

Глаза Алекс были теплыми карими, как хороший виски. Эти глаза врезались мне в память сразу же, как только я увидел их на складе в Атланте. Сейчас это было совершенно другое создание.

Когда мы привезли её в надежный дом, расположенный в глубинке Эпл Ривер, штата Иллинойс, мы практически потеряли её. Никто из нас, включая меня, не был готов к полной демонстрации её силы. Если бы Аполлон не убедил Гефеста — единственного бога, который может создать что-то, что может противостоять Аполлиону — создать комнату, в которой держали Алекс, мы не были бы

способны её контролировать.

— Если ты не дашь мне выйти, я вырву ребра из груди твоего братишки и буду носить их как корону.

Я не проявил никаких эмоций. Возможно, я уже привык к запугиваниям, которые слышал на протяжении последних нескольких дней. Угроза расправиться с Диконом была одной из самых любимых угроз Алекс. Достаточно скоро ей стало надоедать это. Сначала она не была такой. Она была... практически нормальной, за исключением янтарно-жёлтых глаз. Она разговаривала и звучала как Алекс. Хохмила также, как и Алекс. Спорила, как и Алекс. И рассуждала она, как Алекс.

Алекс стиснула титановые прутья. Каждый прут был покрыт нерушимой сеткой, которую Гефест однажды применил на Афродите. Даже Аполлион не был способен прорваться через неё.

На бетонном потолке было высечено несколько знаков, нейтрализующих большую часть её недавно открывшихся способностей — это не могло полностью её остановить, но было достаточно для того, чтобы она не представляла опасности ни для себя, ни для других.

На данный момент.

Моя кровь закипала от воспоминания о том, что случилось, когда она Пробудилась. Она соединилась с Первым — с Сетом — и не было никаких сомнений ни для кого, что она выдала ему своё местонахождение. Я полностью осознавал, что мы должны перевезти её в другое место, причём быстро, но я не был согласен с тем, как это сделал Аполлон.

Он ударил её божественной молнией.

А я нанёс ему удар кулаком.

Я до сих пор удивлен, что остался в живых.

— Ты понимаешь каково это будет стоять тут и наблюдать, как я буду делать это? — насмехалась она. — Точно также, как когда-то ты стоял и наблюдал, как демоны безжалостно убивали твоих родителей, но это будет гораздо, гораздо приятней.

Я сложил руки на груди.

Медленно выдохнув, она опустила свою голову и смахнула с

глаз слезы.

— Пожалуйста. Айден, пожалуйста, выпусти меня отсюда.

Я прикрыл глаза. Мышцы вдоль челюсти передёрнуло. Эта... эта тактика была самой жестокой.

— Почему ты относишься ко мне так? Я чувствую себя нехорошо. Мне больно. Почему ты позволяешь им причинять мне такую боль?

Мои глаза распахнулись. Каждый мускул в моем теле напрягся. Слезы текли по её щекам, и на миг — только на миг — я забыл, что это, на самом деле, была не Алекс, взывающая ко мне и умоляющая меня.

— Я думала ты любишь меня.

Я так резко рванулся к ней, что напугал её. Протянув руки сквозь прутья, я обхватил ладонями её лицо. Мой лоб был прижат к холодным прутьям, а мои губы накрыли её. Поцелуй был настойчивым и быстрым. Яростным. Отчаянным. Она притихла, не будучи уверена, как ответить. За прошедшие сорок восемь часов в некоторые моменты это был единственный способ заставить её замолчать.

Я отступил назад, отпуская её.

— Именно потому что я люблю тебя, я и не выпущу тебя.

Разочарование окатило её и угрожало сорвать кожу с моих костей. Слезливый взгляд исчез в одно мгновение. Алекс закричала и метнулась к задней части клетки. В десяти футах от решетки, она прислонилась к стене, согнув спину.

— Ты не сможешь держать меня здесь вечно.

— Я могу попытаться.

— Он придет за мной.

— Он никогда не найдёт тебя, — сказал я, садясь на металлический стул, установленный рядом с клеткой. Я убедился, что у неё есть всё, в чём может она нуждаться, находясь там — маленькая отдельная ванная комната, кровать, которую она сломала и раскурочила, оставив только матрас, и одежда.

Алекс рассмеялась, оттолкнувшись от стены.

— Ты не сможешь остановить его.

Мой взгляд упал на тарелку с нетронутой едой, стоящую у закрытой двери.

— Поешь, Алекс. Тебе надо поесть.

— Ты никогда не станешь им.

Я потер отросшую щетину на подбородке, когда она медленно подошла к тарелке с едой, и надежда зародилась глубоко внутри меня. Она не ела уже в течение четырех дней, с самого момента как Пробудилась. Подняв тарелку с едой, она попятилась назад.

— На этот раз ты собираешься поесть? — спросил я устало.

Алекс улыбнулась и затем швырнула тарелку прямо в ту сторону, где сидел я. Пластик разлетелся на куски, коснувшись титановых прутьев, еще до того, как с грохотом упасть на пол. Частички еды — вероятно, картофельное пюре и какое-то мясо — пролетели через прутья, забрызгивая мою грудь и щеку. Мы перестали давать ей керамические тарелки после того, как она, разбив тарелку, попыталась превратить её осколки в оружие.

Полагаясь на терпение, которое уже иссякало, я медленно стряхнул куски пищи.

— Тебе от этого стало лучше, Алекс?

Она надула губы.

— Не совсем. — Затем она начала ходить взад и вперед, её движения были плавными и чарующими, несмотря на тот факт, что она снова швырнула в меня свой обед. — Я не вынесу этого больше. Позволь мне выйти или, ей-Богу, я уничтожу тебя.

Я покачал головой.

— Алекс, ты там. Я знаю тебя. Моё сердце перестало бы биться, если бы ты действительно исчезла.

Опустившись на матрас, она огрызнулась.

— Боги, не слишком ли это слащаво? Моё сердце всё затрепетало.

— Тут как тут. — Я встал и схватился за прутья, повторяя её ранние действия. — Я всё задавался вопросом, как много времени

пройдет прежде, чем ты объявишься. Неужели моя любовь к ней настолько напрягает тебя, Сет?

Она перевернулась на бок, брови сведены, а лицо бледное.

— Сета тут нет, ты тупой чистокровный.

— Тебе больно, когда он соединяется с тобой, не так ли?

— Его здесь нет! — Закричала она, её голос надломился.

Я знал, что она врёт.

— Он здесь. — Я прислонился к прутьям. — Я вижу его в твоих глазах.

Алекс свернулась в клубок, подтянув колени к груди. Дрожь прокатилась по её телу. Я знал, что она делает — замыкается внутри себя, связывается с Сетом, устанавливая с ним контакт.

— Алекс, — позвал её я.

Кисти её рук сжались в кулаки, и она подняла голову.

— Проваливай.

Мои глаза встретились с её.

— Никогда.

— Я ненавижу тебя, — прошипела она, и это прозвучало так, словно она действительно имела это ввиду. — Я ненавижу тебя.

— Это не правда. Алекс любит меня.

Она закатила глаза.

— Я — Алекс, ты идиот. И я не люблю тебя. Мне нужен...

— Тебе нужен Сет, — огонь распространялся внутри меня, когда я сжимал прутья до тех пор, пока не заболели суставы. Глубоко внутри, я понимал, что не только Сет заставлял её вести себя подобным образом. Да, что-то из того, что она сказала, шло от связи с Сетом, но ею двигала потребность. Потребность быть рядом с Первым была осязаемой сущностью — могущественной и настоящей.

Я мог почувствовать её вкус.

Я помнил, что летом сказал ей оракул насчет необходимости. Часть меня не полностью поняла смысл этого тогда, но сейчас я понимал. Потребность была разрушительной для неё,

разрушительной для меня.

— Потребность это не любовь, Алекс.

До того как Алекс ответила, открылась дверь.

— Ах! — Она отвела ноги от груди и захлопала в ладоши. — Еще больше посетителей ко мне старушке? Я настолько чертовски везучая. Я устала видеть его лицо.

Маркус, чистокровный дядя Алекс, взглянул на меня.

— Как вижу, она в хорошем настроении.

Я фыркнул.

Она встала на ноги, неестественно пошатнувшись вправо. Матрас — единственное, что осталось в комнате — взлетел на несколько футов от пола. Мы убрали всё остальное. Она теперь с легкостью могла использовать элементы. Она, казалось, просто хотела, чтобы это происходило и это случалось. И боги, она делала это с удовольствием.

Маркус и я уставились на неё, замороженные демонстрацией силы. Это было сильнее, чем вчера, защитная магия спадала. Гефесту нужно будет нанести нам еще один визит, и очень скоро.

— И где это — здесь? — она с нажимом произнесла слова, наполняя их силой.

Я отступил назад, её слова прорвались сквозь меня, дышали у меня внутри. Заставив себя не смотреть Алекс в глаза, я повернулся к Маркусу. Его глаза были отсутствующими и пустыми. Он был в секунде от того, чтобы выдать наше местонахождение. Я положил руку на плечо Маркуса.

Он моргнул, потом выругался.

— Мне кажется, или у неё всё лучше получается?

Алекс захихикала, и прозвучало это не совсем здорово, напомнив мне того жуткого маленького мальчика из "Кладбища домашних животных". Того самого, кто бегал по округе, убивая людей скальпелем.

— Я так думаю. Ты бы мог подумать, что она ослабла, поскольку она ни черта не съела, — я наблюдал, как она пошла обратно на матрас. Она остановилась, взглянув на нас через плечо. Её глаза

сузились и я с нетерпением ждал того, что она задумала. — В любом случае, нам нужно обеспечить, чтобы никто не заходил сюда.

Маркус кивнул. Этот дом был собственностью отца Солоса, но именно этот дом посещало много Стражей. Некоторые останавливались здесь во время поездки для выполнения новых заданий, поэтому нам приходилось держать дверь в подвал закрытой, когда незнакомцы находились в доме, что было часто. Место было очень оживленным, в большинстве случаев это было связано с недавними событиями. Многие уезжали с запада, другие направлялись в сторону того, что осталось от Божественного Острова или в Нью-Йоркский Ковенант.

— Маркус? — Алекс смотрела на нас.

— Да, Александрия?

Один уголок её рта приподнялся, когда она мельком взглянула на меня.

— Тебя не волнует то, кем Айден и я были, как бы мне это выразить? То что он видел меня обнаженной? Много раз.

О. Милостивые. Боги. Пошло-поехало. Качая головой, я потер рукой глаза.

— Алекс ...

Маркус напрягся.

— У меня было достаточно времени, чтобы смириться с этим. Хотя и не могу утверждать, что я удивлен. — Он взглянул на меня, нахмурившись. — Если есть правило, то ты нарушаешь его, Алекс. Но я не ожидал, что Айден будет настолько...

— Безответственным? — С готовностью закончила фразу она, я закатил глаза. — И такой сволочью, который воспользовался мною — твоей бедной племянницей, которая через столько всего прошла? Он воспользовался мной. Использовал внушение. Он заставил меня.

Мои руки упали по бокам. Ужас прокатился по мне, заставив меня задрожать. Она только что не ... она это сказала.

— Он — сволочь, — холодно ответил Маркус, — но я сомневаюсь, что он воспользовался тобой или применил внушение.

— Спасибо, — пробормотал я.

Алекс пожала плечами, переместившись ближе к нам.

— Он нарушил правила. Не должен ли ты быть более возмущенным?

— Честно, учитывая всё то, что сейчас происходит, это волнует меня в последнюю очередь. — Маркус улыбнулся, и её глаза вспыхнули обжигающим золотистым светом. — И на самом деле, если уж мы собираемся составить рейтинг, подводя итог того, как много правил было нарушено, думаю, что ты будешь на его вершине.

— Но он применил внушение на чистокровном.

— А ты одного убила. Око за око, Александрия. — Хотя это и не было первым разом, когда состоялся такой разговор с Алекс, меня не переставало удивлять то, насколько спокойным оставался Маркус при этом.

— Тогда ты должен наказать нас. — Она наклонилась ближе к прутьям, но руки держала по бокам. — Правила есть правила, дядя. Отведи нас на Совет.

— Мы не позволим тебе выйти, — прервал её я. — Предложи что-нибудь другое, Алекс.

Она сложила губы и очень убедительно зашипела.

— Как насчет того, чтобы ты зашел сюда внутрь?

Я сверкнул зубами.

— Тебе бы этого хотелось, правда?

Её руки напряглись по бокам, и она отошла назад от прутьев, сохраняя глаза сосредоточенными на мне.

— Мне бы это понравилось.

Открылась дверь, и свет пролился на бетонную лестницу. Маркус повернулся, но я продолжал смотреть на Алекс. В её взгляде читалось соперничество — вызов. Она хотела бороться, и даже с её ограниченными возможностями, она была адским оппонентом. Более тренированная, чем когда мы спарринговали в последний раз. Думая об этом, я вспомнил о том, как это закончилась.

Алекс поцеловала меня.

Мой желудок свело, даже при том, что я знал, что это не

закончится также на этот раз. Если она дотянется до меня, то попытается убить меня. Я должен напоминать себе об этом. Когда она соединилась с Сетом, она уже не была той девушкой, которой я восхищался, когда видел её в Ковенанте, или той, в которую я влюбился.

— Маркус? Айден? — Окликнул Солос, стоя на верхних ступеньках. — Ребята, вы там внизу?

— Спускаться не надо, — напомнил я ему, всматриваясь во внезапно настороженную Алекс. Полукровки были более восприимчивы к внушению, и она вырубит любого из них одним чертовым ударом кулака.

— И не планировал, — ответил он. — Вам надо подняться наверх, ребята. Вернулся Аполлон.

Маркус послал мне многозначительный взгляд и затем взглянул на Алекс до того, как направиться к лестнице. Появление Аполлона, хотелось бы верить, могло означать, что он нашел что-то, что может сломать связь, соединяющую Алекс с Сетом.

Алекс кинулась к прутьям, хватая их.

— Не смей меня оставлять.

Я слышал, как шаги Маркуса затихли на вершине лестницы.

— Я думал, что тебе надоело видеть моё лицо, Алекс.

Закрыв глаза, она прислонилась лбом к прутьям.

— Я ненавижу находиться здесь. Я не выношу этого. Тишина ... я ненавижу тишину.

А я ненавидел острую грань настоящей боли в её голосе.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Кожа вокруг её глаз сморщилась, когда она свела вместе брови.

— Отлично. Уходи. Меня это не заботит. Я всё равно тебя ненавижу.

Я подошел к решетке и моя рука скользнула внутрь. Мои пальцы отвели в сторону её спутанные волосы. Алекс застыла, и я даже не был уверен, что она дышит, я нашел цепочку и мягко потянул её, и хрустальная роза оказалась в моей ладони.

Она резко вдохнула, но не сбежала.

— Если бы ты меня ненавидела, ты бы уничтожила это.

— Дай мне время, и я это сделаю.

Я рассмеялся и отпустил розу. Она открыла глаза, беспокойно за мной наблюдая.

— Нет. Ты не сделаешь. Пока ты её носишь, я знаю, что частичка тебя ещё там. Что есть ещё надежда.

Алекс протянула руку к кулону, сжав его в кулаке и попятилась. Вместо того, чтобы сорвать его с шеи, она держала его и отступила обратно на матрас. Сев на него, она облокотилась на стену и притянула колени к груди.

Надежда поднималась во мне, как хрупкий росток и я бережно охранял её. Я оттолкнулся от решетки.

— Я принесу тебе что-нибудь поесть и попить.

Ответа не последовало, и я знал, что не получу его. Повернувшись, я направился к лестнице. Маркус и Солос ждали в узком коридоре.

— Она до сих пор не ест? — Спросил Солос, потирая рукой вдоль неровного шрама, который разрезал его лицо от глаза до челюсти.

Проходя мимо них, я покачал головой. Её отказ от еды очень меня беспокоил. Аполлион она или нет, она не могла долго так продержаться без последствий.

Солос наступал мне на пятки.

— Мы всегда можем насильно накормить её темпераментный зад.

— Подойдешь к ней на фут, и она заставит тебя повеситься на балках в подвале, — Маркус послал Стражу-полукровке мрачный взгляд. — Даже не думай об этом.

— Не говоря уже о том, что она просто срыгнет всё съеденное обратно, — я запустил пальцы себе в волосы и направился в комнату отдыха. В воздухе висело что-то неестественное, чувствовалось присутствие силы.

Божественной силы.

— Выше голову, ребята, Аполлон в плохом настроении, — сообщил Солос и мой желудок опустился. — Я не думаю, что он преуспел в попытках найти способ разорвать связь. Мне не нравится говорить это...

Я развернулся так быстро, что полукровка отшатнулся назад.

— Тогда не говори.

— Айден, — предостерёг Маркус.

Солос поднял руки вверх.

— Смотри, всё что я имею ввиду так это то, что мы должны принимать во внимание вероятность того, что мы не сможем разорвать связь.

— Здесь нечего больше принимать во внимание, — я сделал глубокий вдох, призвал все терпение, которое я воспитал в себе, растя брата, и не нашел его. — Мы найдем способ.

— А если нет? — Выпалил Солос, качая головой. — Мы выпустим её из клетки, чтобы они с Сетом стали играть в Бонни и Клайда? Или мы оставим её гнить в подвале и умирать голодной смертью?

— Солос, предупреждаю тебя, что лучше бы тебе остановиться, — сказал Маркус

— Не пойми меня неправильно. Мне нравится Алекс. Я думаю, она крутая девочка, — продолжил Солос. — Но разве не более гуманно сделать так, чтобы она не мучилась...

Мой кулак встретился с его челюстью прежде, чем я понял, что делаю. Его голова отдёрнулась назад и он отшатнулся в сторону. Я кинулся вперед, схватив его за рубашку, ударил его о стену. Несколько картин задрожало.

— Айден! — Закричал Маркус.

— Мы не причиним вреда Алекс, — прорычал я, подняв Стража на цыпочки. — Мы не тронем и волоса на её голове. Ты меня понял?

Взгляд Солоса пилил.

— Я знаю, что ты любишь её...

— Ты не знаешь ни черта. Ты не знаешь на что я пойду, чтобы она была в безопасности, — я бросил его и он скользнул вниз по стене. — И если это означает убийство одного полукровки, чтобы с ней ничего не случилось, я не буду сомневаться.

— Как бы увлекательно не было наблюдать, как ты рычишь на Солоса, нам нужно поговорить, — из комнаты отдыха донесся громовой голос Аполлона. — Оставь это, Айден.

Солос выпрямился, держась за челюсть.

— Айден, я не хотел....

— Оставь это, — я развернулся, прошел мимо Маркуса и поспешил в комнату отдыха. С первого же взгляда на Аполлона мои глаза сузились. — Не говори этого.

— Ах, ты собираешься снова меня ударить? Мне вроде как понравилось это в первый раз.

Я не собирался этого делать. Я пересек комнату и отодвинул тяжелую портьеру. Ночь спустилась на высокие ели и дубы. Их ветви были все еще голые как скелеты — ландшафт, который я однажды находил прекрасным, теперь казался пустынным и безнадежным.

— Ты что-нибудь выяснил? — Спросил Маркус.

— Выяснил, но у нас сейчас куда посерьезнее проблемы, чем Алекс.

Обернувшись к ним, я прислонился к холодному стеклу.

— Как так?

— Я отчасти боюсь спрашивать, — сказал Маркус. Солос фыркнул и сморщился. Переместившись на кожаный диван, Маркус сел. — Потому что я действительно не знаю, что может быть хуже, чем Алекс, нападающая на нас.

Аполлон выгнул бровь.

— О, это хуже.

— Ты специально тянешь для создания драматического эффекта? — Мне явно не доставало терпения.

Зловещие белки его глаз заискрились и комнату наполнил запах озона. Маркус покачал головой, но я поднял брови, не

впечатлившись, потому что, честно говоря, меня ничто больше не могло поразить.

Губы Аполлона изогнулись в улыбку.

— Затевается война.

Глава 2

Хорошо, полагаю, эту новость сложно превзойти. У меня вырвался сухой, кусающий смех и я оттолкнулся от окна.

— Война?

Теперь когда он привлек всеобщее внимание, Аполлон, казалось, стал выше.

— Война между богами и теми, кто следует за Первым.

Маркус выругался. В последнее время он часто это делал.

— Боги собираются противостоять Сету?

— Они собираются убить Сета и всех его сторонников, — его губы изогнулись от неприязни. — Включая Люциана.

— Люциан ни за что не удержит своих последователей, — Солос перегнулся через спинку дивана. — Присоединиться к нему было бы безумием.

— Но у Люциана есть Аполлион. Это привлекательно само по себе, — Маркус откинулся назад, выглядя также обеспокоенно, как и я себя чувствовал.

— Ты прав, — ответил Аполлон. — Мы знаем, что многие на его стороне.

— У тебя есть шпионы? — Спросил я с интересом.

Аполлон улыбнулся и это было также жутко, как и детское хихиканье Алекс. Он щелкнул пальцами и вспышка чистой силы волной прокатилась по комнате. Рядом с Аполлоном замерцал голубой свет и затем человеческая фигура начала приобретать очертания.

Появился мужчина почти семи футов ростом с торчащими светлыми волосами. Он был поразительно похож на Аполлона и у него были те же полностью белые глаза. Одетый в шорты-карго, шлепанцы и рубашку Джимми Баффет, он выглядел как студент-

двоечник.

И он был богом.

Может быть, однажды я привыкну к тому, что боги появляются и исчезают как будто это обычное дело, но проведя всю свою жизнь и не встретив ни одного, я чувствовал себя ошеломленным, стоя в одной комнате с самыми могущественными созданиями из когда-либо существовавших.

Очевидно, и самыми раздраженными.

Маркус быстро вскочил на ноги и поклонился. Мы с Солосом сделали то же самое. Бог этого не заметил. Нахмурившись, он повернулся к Аполлону.

— Ты щелкаешь пальцами и я должен просто появиться? Как будто мне нечего больше делать?

Аполлон усмехнулся.

— Разве только что было не так?

— Я тебе не слуга, брат. В следующий раз я сломаю тебе палец и засуну его так глубоко тебе...

— Мы не одни, — Аполон показал на нас, и я был уверен, что у меня на лице застыло выражение шока и благоговения. — И никто не хочет знать, чем ты занимаешься в свободное время, Дионис.

Бог вина и вечеринок рассмеялся над своим братом и упал в кресло. Он вытянул свои длинные ноги и потер щетину на подбородке.

— По меньшей мере ты бы мог организовать что-нибудь выпить.

Маркус вскинулся:

— Мы можем что-нибудь принести. Есть вино...

— Нет необходимости, — глаза Аполлона сузились. — Меньшее, что ты можешь сделать, так это поддержать беседу в течение пяти минут и не напиться.

— Неважно, — Дионис повернул голову в нашу сторону и усмехнулся. Я задался вопросом, не был ли он навеселе. — Двое чистокровных и полукровка, но в доме есть что-то посерьезнее. — Его глаза вспыхнули и он втянул носом воздух. — Ах да, здесь

малышка-Аполлион.

Я напрягся от очевидного проблеска интереса в глазах Диониса.

Аполлон послал мне многозначительный взгляд, предупреждая меня о том, что ни один бог не будет настолько всепрощающим как он, если дело дойдет до ударов в челюсть.

— Ты знаешь, что она здесь и ты знаешь, что тебя позвали не поэтому.

— Поэтому ты сегодня утром побеспокоил Ананку? — Игриво улыбнулся Дионис.

При звуке имени Ананки во мне разгорелась буря эмоций. Я начал двигаться, но остановился, от напряжения мои мышцы застыли. Аполлон не посмеет. Даже Солос побледнел. Все знали, кем и чем управляла Ананка, и это не вязалось с Алекс. От гнева я утратил дар речи и прежде, чем я пришел в себя, заговорил Маркус.

— Зачем ты вмешиваешь Ананку?

Аполлон отмахнулся от него.

— Сейчас не время это обсуждать. Дионис раздобыл информацию о том, что Олимп готовится к войне.

Дионис зевнул.

— Не смотря на то, что политика и кровь навевают на меня скуку, я очень полезен, когда нужно достать информацию.

— Вино и пьянство, — пробормотал Солос.

— Развязывают язык, — закончил Дионис, улыбаясь. — Существует своего рода лагерь, окружающий Люциана и Первого. Почти армия. Они вышли из Ковенанта Теннеси. Мои братья и сестры пристально за ними наблюдают.

Чёрт побери. Если Люциан и Сет атакуют там Совет, боги снова вмешаются и новые невинные жизни будут потеряны.

— С ним больше сотни Стражей и Охранников-полукровок, — добавил он, подумав.

— Милостивые боги, — пробормотал Солос, потеряв висок.

— Что бы эти двое ни продавали, люди покупаются на это как наркоманы, — Дионис изучал свои ногти, явно скучая. — Без

оскорблений, но полукровки идиоты, если думают, что мудро с их стороны выступать против нас.

Мне не нужно было смотреть на Солоса, чтобы понять, что это заявление пришлось ему не по вкусу.

— Люциан, вероятно, предлагает им то, что никто никогда не предлагал.

— И это...? — Спросил Дионис.

— Свобода, — я сел на подлокотник дивана. — Свобода делать то, что им нравится и не зависеть от чистокровных никоим образом.

— Но вот этот свободен, разве нет? — Дионис показал на Солоса.

— Свободен? — Солос выпрямился. — Могу я говорить прямо?

— Конечно, — ответил бог. — Почему нет?

Солос прерывисто вдохнул.

— Стать Стражем это меньшее из двух зол. Мне позволялось либо стать рабом, и всё, что у меня есть, отняли бы у меня, либо выбрать эту жизнь, которая, вероятнее всего, приведет к ранней могиле. Как это может быть свободой?

Брови Диониса сошлись.

— Разве твои обязанности не достаточно почетны?

— Это не имеет отношения к обязанностям, — вмешался я, взглянув на Аполлона. — Полукровки, Стражи и Охранники, верят в свой долг и отдадут за него жизнь, но мы не даем им выбора, у них не было такого выбора, как у меня. И если Люциан соблазняет их мыслью о том, что они сами могут выбирать свою судьбу, как мы можем их винить в этом?

— Я понимаю это желание, Айден, и, может быть, есть необходимость в переменах, но мы не можем позволить Люциану повести их на нас войной, — сказал Аполлон. — И я знаю, о чем ты думаешь, что его последователи невинны в своей наивности, но это ничего не изменит, если они пойдут против нас.

— А это в точности то, что они затевают, — сказал Дионис, к беспокойству всех остальных. — Вчера вечером, я удостоверился, что двое полукровок из лагеря Люциана хорошо отоварились в

алкогольном отделе, и отправил к ним несколько моих... девочек. Я узнал, что они собираются напасть на Ковенант в Нью-Йорке, но ждут Сета и его маленькую подружку.

Казалось, мои зубы раскрошатся от того, как сильно я их стиснул. Маркус наклонился вперед и сложил руки.

— Чего я не понимаю, так это того, как вы собираетесь убрать Люциана.

— Мы не можем к нему подобраться. Его всегда сопровождает Первый, — Дионис пожал плечами. — И мы не можем причинить ему вред, но он может навредить нам.

— Несколько ушибов, — сказал я. — Пока он не обладает полной силой, он не сможет вас убить.

Брови Диониса поднялись.

— Он убил фурию Таната.

— Подпитываясь от Алекс,— возразил я. — Без неё у него не будет такой силы.

— Мы не будем так рисковать, — Аполлон прислонился к спинке кресла. — Он может вывести нас из игры. Если один из нас ослабнет, то и остальные тоже.

— Семья, которая...

— В любом случае, — оборвал Диониса Аполлон. — Согласно тому, что он узнал, они планируют полностью захватить Ковенант. Мы не можем этого допустить.

— Так что планирует Олимп? — Спросил Маркус, его плечи поникли от груза, опустившегося на них.

— Вот какая пьянка, — слышать слово "пьянка" из уст Диониса казалось неправильным. — Мы собираемся пойти на войну, но среди бесстрашных предводителей разногласия.

— Какого рода разногласия? — Я потер ладонью висок, пытаюсь отогнать тупую боль, которая без сомнения появилась от недоедания.

— Шестеро хотят уничтожить проблему, — сказал Дионис небрежно, как будто мы обсуждали, где он купил свою нарядную рубашку.

— Напасть на Люциана и тех, кто с ним? — Спросил Солос. — Убить столько, сколько получится?

Аполлон кивнул.

— Остальные из нас верят, что полномасштабной войны всё еще можно избежать, потому что если мы начнем воевать, то что произошло с Титанами, не пойдет с этим ни в какое сравнение. Счет пойдет на миллионы жизней, включая жизни смертных. Этого никак нельзя будет избежать.

Есть еще надежда. Эти три слова вызвали во мне воспоминания об Алекс, сжавшейся на моей груди, когда она говорила о Сете всего несколько коротких недель назад. Она все еще надеялась, вплоть до той минуты, когда он соединился с ней.

— Не говоря уже об опасности того, что о нас узнают, — добавил Маркус. — Боги, это...

У меня не было слов.

Потом на меня снизошло озарение. Никто из нас, даже два бога, не смогли этого предвидеть год назад. Предсказания не предрекали, что мир окажется на грани войны, какой он еще не видывал раньше, войны, которая разорвет мир на части.

— Мы верим, что войну можно остановить, но остальные полны сомнений, особенно принимая во внимание последние события.

— Алекс, — прошептал я, привычная боль эхом отдалась у меня в груди.

Дионис встал.

— Мы не хотели ввязываться в это, даже после того, что Первый сделал с Советом Северной Каролины. Только Посейдон и Аид быстро отреагировали, но сейчас, когда она с ним связана, у них не осталось надежды... и они ищут...

Плохое предчувствие росло во мне как сорная трава.

— Ищут что?

Аполлон сказал со вздохом:

— Способ убить Аполлиона.

Глава 3

Я старался сохранить спокойное выражение лица и гнев под контролем, но ярость неистовствовала во мне, разрывая в клочья мои усилия. Мне потребовалось всё самообладание, чтобы не покинуть комнату и не спустится вниз в подвал и продолжить сторожить Алекс.

Солос смотрел на меня и, прочистив горло, сказал:

— У меня было представление, что только Аполлион может убить другого Аполлиона.

Мои ладони сжались в кулаки, когда Аполлон повернулся ко мне.

— Ты знаешь.

Теперь Маркус и Солос пристально на меня смотрели, и мне захотелось пробить стену кулаком.

— Орден Таната убил Солярис и Первого. Каким-то образом они знают, как можно это сделать, а это значит, что не боги?

Дионис рассмеялся.

— Танат подарил Ордену такую. возможность — шифр или что-то подобное — но даже Танат не может вспомнить, что это было. Никогда не предполагалось, что будет два Аполлиона — а значит и возможности появления Убийцы Богов. Предполагая, что этого больше никогда не понадобится, он не записал это. Идиот.

Должен ли я чувствовать угрызения от того, что испытал облегчение?

— Орден знает, но со смертью Телли, они бросились врассыпную. Не говоря уже о том, что некоторые Стражи, которые находятся под влиянием Люциана, больше не охотятся на демонов. — Аполлон сделал паузу и взглянул мельком на дверь. — Они начали охотиться за членами Ордена.

— Боги милостивые. — Маркус подошел к окну. Остановившись, он запустил пальцы в волосы. — Я даже не знаю, что из этого хуже.

Было чёткое ощущение, что там было что-то большее. После еще нескольких колкостей в адрес Аполлона, Дионис растворился, и напряжение в комнате слегка спало.

— Он на нашей стороне? — Спросил я.

Аполлон сухо рассмеялся.

— Да, но не потому, что он чувствует то же, что и мы. Только потому, что он чересчур ленив, чтобы участвовать в битве.

Ну, это сойдет. Я вздохнул.

— Есть что-то еще, не так ли? И это касается Алекс?

— Да. — Он снова перевёл взгляд на дверь, прищурив глаза. Повернувшись ко мне, он кивнул. Послание было очевидным — такой же взгляд мы посылали друг другу множество раз в течение года, когда он изображал Леона. У нас были шпионы. Ладони сжались в кулаки по моим бокам, я тихо двинулся в сторону двери, пока Солос продолжал собирать информацию у Аполлона о Стражах, охотившихся за Орденом.

Две узкие тени крались вдоль стены коридора, и я был убежден, что оба они думали, что они умели прятаться, как Джеймса Бонд. Это было похоже больше на парочку из фильма "Три балбеса". Как долго они стояли за пределами комнаты, и планировал ли я придушить их обоих? Возможно. Я вышел им навстречу.

Дикон отпрянул назад, натолкнувшись на такого же неподготовленного Люка. Можно было бы подумать, что после всех тренировок, Люк пришел бы в себя гораздо быстрее, но обстоятельства теперь были абсолютно разные. Ковенант не обучал своих учеников тому, с чем предстояло столкнуться.

Глуповатое выражение промелькнуло на лице моего брата, когда он выпрямился и пробежал рукой по растрепанным светлым локонам. Вместо того, чтобы злиться на него, я просто испытал облегчение, что он был здесь со мной, когда казалось, что всё вокруг нас рушится.

— Привет, брат ... — сказал он.

Я вскинул бровь.

— Дикон, что вы делаете?

Люк распрямил плечи, и затем выступил вперед, встав перед Диконом.

— Это была моя идея, Айден.

— Не совсем. — Дикон закатил глаза. — Я почувствовал

присутствие другого бога и сказал об этом Люку...

— Но это я предположил, что мы можем попробовать выяснить, что происходит. — Люк глубоко вздохнул. — Вы, ребята, держите нас вне круга всего происходящего, а эта ерунда тоже имеет к нам отношение.

— Возможно, потому что это безопаснее для вас обоих, — обратил я их внимание.

Люк покачал головой.

— Честно, даже учитывая насколько всё сейчас запутано? Со Злой Алекс, запертой в подвале, и надвигающейся войной, держать нас в безопасности не является главным приоритетом. Мы должны знать, что происходит. Мы можем помочь.

Моё уважение к молодому полукровке, который борется за проявление себя, вызвало улыбку.

— Чем вы оба можете помочь?

— Мы пока еще не выяснили этот момент, — ответил Дикон, прислонившись к стене. — Но я убежден, что чем-нибудь можем. И я думаю, что Леа надерет нам задницы, если ей придётся провести с нами еще один вечер.

Я нахмурился.

— А где Леа?

Полукровка прошла через многое, и все мы должны были приглядывать за ней. Сначала она потеряла своего отца и мачеху во время атаки демонов под руководством матери Алекс, а затем Сет убил её сестру во время его атаки на Совет. Я понимал, что все совпадения с этими утратами она связывала с Алекс.

— Спит, — ответил мой брат, вытянув шею, пытаясь заглянуть за меня. — Какой бог был здесь?

Не было причин держать это в секрете.

— Дионис.

— Чувак? Ты серьезно? — Дикон выглядел удрученным. — Он ведь мой самый любимый бог всех времен.

— И почему это меня не удивляет? — Пробормотал Люк.

И меня это тоже не удивило. Даже несмотря на то, что Дикон реально завязал с выпивкой, он запросто может быть ошибочно принят за родную душу Диониса.

Мне надо было принять решение — отправить их восвояси или воспринимать их как взрослых, какими они практически и были. Люк был — или должен быть — всего в месяце до выпуска. Вскоре он должен был бы выйти в свет на охоту за демонами, но часть меня сопротивлялась идее вовлечь Дикона в такое будущее, в котором он уже находился.

Но я не могу нянчиться с Диконом всю его жизнь. Возможно, я уже и так слишком много нянчился, что может объяснить некоторые его предыдущие поступки и почему он не чувствовал себя комфортно, разговаривая со мной об его отношениях с Люком.

Я кивнул.

— Пошли.

Они оба выглядели так, будто я только что открыто признался в любви к Сету, но они рванули вперёд так, как будто переживали, что я изменю свое решение. Следуя за ними в кабинет, я закатил глаза, когда Аполлон приподнял от удивления бровь.

— Ладно, — сказал Аполлон, оглядывая комнату. — Теперь, когда все до одного здесь, у нас есть ещё одна тема для обсуждения.

Люк ухмыльнулся, подвинувшись, чтобы встать рядом с Солосом, а мой брат направился к креслу, которое находилось дальше всего от Аполлона. Я не мог не заметить его неприязнь к Аполлону, и боги милостивые, если между ними двумя что-то происходило, я могу кому-то причинить вред.

— Алекс, — сказал Маркус, опираясь на письменный стол. Его правая рука рассеяно крутила стоящий рядом глобус.

Аполлон строил лицо, и я понимал, что это ничего хорошего не несёт.

— Единственная надежда, что мы предотвратим полномасштабную войну, если Алекс придет в себя и согласится вывести из игры Сета.

В прошлом Алекс никогда бы на это не согласилась, но теперь? Если бы мы смогли каким-то образом достучаться до неё и разорвать

связь, обратится ли она против Сета? И хотел бы я, чтобы она пошла на это? Она может пострадать... погибнуть. Как Стражу, мне необходимо было принять такие риски, но как мужчина, я не мог, когда это имело отношение к Алекс.

— Мы нашли способ временно разорвать связь, — продолжил Аполлон. Он моргнул, и появились ярко-голубые зрачки в его глазах. Мне пришлось отвести взгляд, так как это напоминало мне о том, как Алекс ненавидела глаза бога и как Аполлон придавал им цвет ради неё. — Это даст нам время, чтобы найти постоянное решение.

Всё сконцентрировалось на том, что только что сказал Аполлон. Временный разрыв связи был лучше, чем вообще ничего. Прилив предвкушения не возможно было остановить и это практически сбило меня с ног.

— Какая временная мера?

— Тебе это не понравится — никому из вас это не понравится — но это единственная возможность, которая есть у нас в данном случае.

Мои руки напряглись.

— Просто давай по сути. Какая мера?

Аполлон нахмурил брови. Я был более чем уверен, что если бы не дружба, которую мы взрастили по время охоты, он разнес бы в пух и в прах мою задницу к этому времени.

— Я разговаривал с Ананкой.

— Нет, — произнес Маркус еще до того, как я успел открыть рот. Он оттолкнулся от стола. — Есть только одна причина почему ты разговаривал с Ананкой, и ответ на это нет.

Бог сложил руки, и потому как ожесточилось его лицо, я мог сказать, что он не привык к тому, что ему говорили нет.

— Я знаю, что это решение неприятное.

Горячий порыв ярости скрутил мои внутренности в тугие узлы.

— "Неприятное" — это не то слово, которое я бы употребил. — раздраженно высказался я.

— Ладно, я ничего не понимаю. — Дикон откинул упавшую на глаза прядь светлых волос и насупился. — Я полностью завалил курс

"Мифы и Легенды". Кто, к чёрту, такая Ананка?

Почтение в голосе Люка нейтрализовало его ухмылку.

— Кроме того факта, что она мать Богинь Судьбы, она управляет внушением и всеми формами рабства и кабалы — кабалы в виде заключения.

— Наша способность использовать внушение была подарена Ананкой, — объяснил Маркус, прищурив глаза. — Она — малоизвестная богиня, практически забытая.

— За исключением того, что она придумала Эликсир, который заставляет полукровок покорно прислуживать. — Челюсть Солоса напряглась.

Дикон взглянул на Аполлона, сморщив нос.

— Тогда почему ты связывался с богиней, которая ...? — Его рот открылся от осознания. — Ах. Чёрт. Ты хочешь посадить Алекс на Эликсир.

Я сложил руки, пытаюсь удержать себя от того, чтобы что-нибудь ударить.

— Нет. Аполлон, абсолютно исключено.

— Я даже не понимаю, почему мы это обсуждаем. — Солос обогнул диван, разумно избегая территорию рядом со мной. Я был подобно гейзеру за секунду до извержения. Он встал рядом с Маркусом. — Эликсир не сработает на Аполлионе, верно?

— Не такого рода, какой мы даем полукровкам, но Алекс получит что-то совершенно иное. — Аполлон задумался. — Она получит кое-что посильнее. Ананка уверила меня, что это разорвет связь, и эффект будет только временным. Это не тоже самое, что дается другим.

— Так ли это? Потому что это звучит для меня также. — Идея посадить Алекс на Эликсир скрутила мой желудок и взбесила меня. — Я не могу сделать это.

Аполлон открыл рот, но казалось осмысливал что сказать.

— Мы должны разрушить связь, Айден. В какой-то момент, Алекс выяснит где она находится. И что тогда? Сет придет за ней и поглотит её силу, всё будет кончено. Второго шанса не будет.

— Должен быть другой способ! — моё самообладание сломалось. В этот момент я был так близок к тому, чтобы выяснить, смогу ли я на самом деле тягаться с богом. Единственное, что меня останавливало, так это тот факт, что я понимал, что Аполлон пытался помочь нам — помочь Алекс. Я не сомневался, что бог заботился о ней. — Мы просто недостаточно усиленно искали, не проверяли любой доступный ресурс.

— Где еще мы можем посмотреть, Айден? — Аполлон посмотрел на меня, широко раскрыв глаза. — Я перевернул весь Олимп с ног на голову, ища способ разорвать их связь. Единственная вещь — это Эликсир и...

— Нет. — Я стоял на своём.

Аполлон окинул комнату взглядом в поисках поддержки. Солос отступил назад, подняв руки вверх.

— Не смотри на меня — я хочу сохранить своё лицо целым, спасибо.

Я ухмыльнулся.

Очевидно, стараясь изо всех сил быть терпеливым, Аполлон вышагивал по кабинету.

— Это только временное решение, Айден.

— Это решение неприемлемо! — Я прокричал так громко, что Дикон подпрыгнул. Он был жертвой моей ярости снова и снова, но удивление, промелькнувшее на его лице, говорило мне о том, что он никогда не видел меня таким раньше. То, что я чувствовал к Алекс, если и были какие-либо сомнения у тех, кто находился в этом кабинете, теперь это было болезненно очевидно. — Ты просишь нас согласиться стереть всё, что она из себя представляет! Для того, чтобы превратить ее в бессмысленный зомби, который не имеет никакого контроля — Я замолчал, поверхностно дыша. Это был самый большой страх Алекс. Существо, которое удерживало ее во мраке, которое преследовало ее по шагам, как мстительный призрак. — У неё не будет никакого контроля над собой.

— У неё и так нет никакого контроля, — настойчиво произнес мягкий женский голос.

Я резко развернулся. В дверном проеме стояла Леа, такая же высокая и худая, какой была её старшая сводная сестра. Её волосы

рыжевато-го цвета были убраны назад в тугий конский хвост. Темные круги лежали под её глазами, а её щёки провалились.

— Ты не понимаешь, — сказал я.

Она медленно вошла в комнату, мельком взглянула на Аполлона, затем на всех остальных.

— Я не видела её, но я слышала. Мы все её слышали. И боги знают, что мы с ней никогда не были подругами, но Алекс — она никогда бы не произнесла те слова, которые я слышала в её криках. Это не она.

Сжав губы вместе, я отвернулся, покачав головой. Леа была права в этом. То существо, которое находилось в подвале, не являлось настоящей Алекс — не той девушкой, которую я любил с каждым сделанным мной вдохом. И она не контролировала себя.

Но Эликсир — это было совсем иное.

Леа села рядом с Диконом, положив свои маленькие ладони на колени.

— Идея использовать Эликсир звучит неверно на каждом уровне, но какой у нас есть выбор? Мы не можем держать её там внизу.

— Она ничего не ест, — пробормотал Маркус. Он почесал бровь, его лицо было натянутым. — Я даже не уверен, действительно ли она спит или если ... если она общается с Сетом, и это то, что заставляет её бодрствовать.

Я уставился на него.

— Маркус, ты же знаешь как её пугал Эликсир.

Не в состоянии выдержать мой взгляд, он посмотрел в сторону.

— Я знаю, Айден. Проклятье, я знаю, но что-то надо делать. Насколько сильно бы я ненавидел идею сделать это с ней, но это даст нам больше времени.

Отказываясь верить, что это был наш единственный вариант, я неистово искал другой способ и хватался за хрупкие, болезненные соломинки.

— А что насчет Богинь Судьбы? Может ты сходишь к ним и посмотришь какой будет исход? Разорвёт ли она связь

самостоятельно? Или есть ли какой-то способ для нас сделать это?

Аполлон покачал головой.

— Богини Судьбы не мои поклонницы, и даже если бы были ими, и они бы знали, то не рассказали бы ничего ни мне, ни тебе. Ты знаешь как они действуют, Айден. Ты...

— Ты же знаешь, что это сделает с ней! — Я заорал, остро отреагировав из-за ярости.

— Я знаю, что это сделает с тобой, — произнёс он тихо. — И я знаю, что идея сделать это убивает тебя...

— Остановись — просто притормози, — я закипал, отступая назад. — Я не позволю никому из вас сделать это с ней. Хотите верьте, хотите нет ...

Угроза висела в воздухе, словно густой туман, который душил присутствующих в комнате. Маркус просто выглядел опечаленным, практически сломленным всем происходящим. Солос был бледен, вероятно, потому что он думал, что Аполлон был в мгновении от того, чтобы ударить меня об стену. Леа и Люк уставились на пол, лица натянуты. Испытывали ли эти молодые полукровки острый укус вины за согласие в том, что Алекс необходимо посадить на Эликсир, зная что это сделает, что это означает?

Они были слишком молоды для этого — для этого дерьма.

Как и Алекс.

Как и я.

Чёрт.

Единственный человек в комнате, кто сейчас смотрел на меня, был мой брат. Робкая, грустная улыбка появилась на его лице.

— Алекс надерёт нам задницы за обсуждение нечто подобного, но я думаю, что она поймет, Айден. Я думаю, что она поймет почему пришлось это сделать.

Затем Маркус выступил вперёд, положив руку мне на плечо. Я боролся со стремлением скинуть её. И ударить его — ударить что-нибудь. Но он тоже испытывал страдание.

— Есть еще кое-что, чего Алекс боялась. — Его голос был настолько тихим, я сомневался, что кто-нибудь его сможет услышать,

за исключением Аполлона. — И ты знаешь что это.

Я знал. Боги, я всегда знал.

Алекс боялась потерять себя в Первом — в Сете. И я обещал ей, клялся ей, что этого никогда не произойдет. И это случилось. Я подвёл её. Жгучая боль из-за этого терзала и прорастала внутри меня, но согласиться на Эликсир не было лучшим решением. Это просто будет другой способ подвести её.

Отойдя от Маркуса, я провел пальцами по волосам. В течение нескольких минут никто вообще не говорил. Молчание ощущалось так же плохо, как и моя угроза. И, наконец, все начали говорить, предлагая еще больше идей. «Уничтожить Сета» возглавляла их список, но это было не возможно. "Перевезти Алекс ещё дальше" — может быть, это ослабило бы связь, дало бы ей передышку, дало бы нам время для изучения еще больше рун, заклинаний и молитв.

Еще большие усилия лишь добавили ситуации безнадежности.

В итоге Аполлон подошел ко мне.

— Нам надо поговорить наедине.

Мне хотелось, чтобы он просто ушел, но я кивнул в согласии, и мы оба вышли и направились в сторону пустой кухни. Мои шаги были быстрыми и резкими.

— Нет никаких шансов, что ты убедишь меня в том, что посадить Алекс на улучшенную версию Эликсира — это самое верное решение.

Он закрыл дверь, и взъерошил свои волосы до того, как заговорил.

— Я знаю, что твои чувства к ней сильны.

Я встретился с ним взглядом.

— Я люблю её. Ты этого не понимаешь.

— Нет. Я понимаю. Ты забыл, что я был с тобой, когда ты охотился за Эриком. Я видел то, что никто никогда не видел — то, как повлияло на тебя то, что случилось с Алекс. И я знаю, что ты сделал с тем демоном.

Я сжал челюсть, и отвел взгляд.

— Он заслужил это.

— Я не оспариваю это.

То, что я сделал с Эриком не было тем, чем я особенно гордился.

"Пытка" казалось слишком слабым определением того, что я сделал. Я тяжело сглотнул.

— К чему ты ведешь, Аполлон?

Он склонил голову.

— Такого рода любовь, как ты питаешь к Алекс, достойна восхищения, но я видел такую любовь ранее. Она уничтожала целые цивилизации. Надо ли напоминать тебе о Трое?

— Это урок истории?

Его глаза вспыхнули.

— Ладно. Мы не будем говорить о том, кто не заметил слона.

— Хорошо.

— Я не был полностью искренен, преподнося информацию, — сказал он через несколько мгновений.

Я злобно рассмеялся.

— И почему меня это не удивляет? Ты был источником правдивости.

Аполлон это проигнорировал.

— С момента как Зевс создал Аполлиона тысячи лет назад, Первый всегда был из моего рода.

— Что? — Я его не понимал. — Артемида же сказала, что Алекс из твоего рода.

— Так и есть. — Он подошел к стойке с вином и открыл бутылку вина. — Но на протяжении всей истории, Аполлион всегда был моим потомком. До сих пор у меня нет информации о том, от кого происходила Солярис, и я не знаю, из какого рода Сет. На этот раз — только на этот раз — уже всё по-другому. — Замолчав, он налил себе бокал вина. — Сет является Первым, но он не из моей кровной линии. Так или иначе, другой бог несет ответственность за него. И я готов поставить свой лавровый венец на то, что он был ответственен за Солярис.

Он предложил мне напиток, но я отмахнулся от него.

— Ты имеешь ввиду, что Алекс должна была быть Первым, а Сет стал счастливой случайностью?

Аполлон пожал плечами.

— Я не знаю. И никто из богов не берет на себя ответственность за него.

— Ну, безусловно, — сказал я сухо.

Ухмылка украсила его губы, когда он поставил бутылку вина обратно на стойку, а затем сделал глоток.

— Это не язвительное заявление, Айден. Тот, кто несет ответственность за Сета, не заявляет об этом по собственной причине — по той же причине, что Люциан узнал заклинания, чтобы удержать меня вне своего дома.

— Ты думаешь, что бог, который сотрудничает с Люцианом — он же и бог-прародитель Сета?

— Скорее всего, — сказал он, опуская бокал вина. — Но есть еще одна причина, почему этот бог не будет заявлять о себе. Потому что он или она знает, что есть ещё один способ убить Аполлиона.

Меня окатило льдом.

— Что ты имеешь ввиду, Аполлон?

— Бог, связанный с их кровной линией, способен убить их. Я могу убить Алекс.

Глава 4

Казалось, что пол прогибался под моими шагами, а белый цвет стен сменился на темно-коричневые панели. Мне потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что я шёл — уходил от Аполлона, прочь от бомбы, которую он только что сбросил.

Конечно же, он последовал за мной.

— Айден, куда ты идешь?

Я направлялся к цокольному этажу. Мне необходимо было встать между Алекс и ... и любым, кто бы ни пришел за ней.

Аполлон появился передо мной, загораживая мне путь. Я сделал шаг в сторону, но он последовал за мной.

— Айден, послушай меня.

— Я наслушался.

— Это не угроза, друг мой. Но если она настроена соединиться с Первым, я убью её. Я должен. — Он поймал мой кулак, оттолкнув меня назад. — От нас зависит будет ли весь мир охвачен войной.

Я приблизился к нему, не задумываясь, и он оттолкнул меня назад. И снова толкнул. Боль пронзила меня. Физическая? Эмоциональная? Я не знал.

— Ты убьешь её?

— Я не хотел бы. — Его синие глаза сверкали. — И именно поэтому я делаю всё, что могу, чтобы избежать этого. Если мы посадим её на Эликсир, то это даст нам время, Айден. А нам необходимо время. Мне нужно время, потому что у меня есть шестеро родственников, готовых ворваться в мир смертных. Я не могу находиться здесь в ожидании того, что Алекс найдет способ сбежать или Сет выяснит способ, как связаться с ней.

— Никто не просит тебя находиться здесь, Аполлон. Я обо всём позабочусь.

Он послал мне сомневающийся взгляд.

— Ты не понимаешь. Боги знают, что они не могут её убить, но это не значит, что это остановит их от попыток. И несмотря на то, что они не способны её убить, они могут причинить ей вред.

Упёршись в стену, я прижал ладони к вискам. Всё чего я хотел, это лишь спуститься вниз, взять Алекс и увезти её далеко-далеко от всего этого.

— Ты просишь слишком много.

Аполлон вздохнул.

— Тебе надо отступить на шаг назад от этого, Айден. Посмотреть на это с точки зрения Стража — как тебя учили.

Я поднял голову, пригвоздив его мрачным взглядом.

— Теперь ты просишь меня быть объективным?

У него вырвался смешок.

— Да, я понимаю, я не самый объективный бог, но у тебя есть

обязательство, которое надо выполнить, Айден. Обязательство защищать человеческий род — и защищать Гематой. Это твой долг. И ты знаешь, каким будет верное решение.

— Так я должен выбрать между моим долгом, как Стражем и моим долгом как мужчины? Из-за Алекс?

— И да, и нет. Ты должен выбрать оба варианта. — Аполлон прислонился к противоположной стене, всё ещё возвышаясь над мной, а я был ростом хороших шесть с половиной футов. — Маркус прав. Аполлион она или нет, она не сможет выдержать подобное слишком долго. Без еды? Без сна? Она вообще хоть пьёт воду?

Я прикрыл глаза.

— Два раза. Она попила воду лишь два раза, когда думала, что я не наблюдаю за ней.

Он выругался себе под нос.

— Ей нужен отдых. Ей нужна передышка от всего этого, Айден. И нам необходимо время, чтобы найти способ покончить с этим..

— Или что — ты убьёшь её?

Аполлон не ответил.

— Боги. — Я прислушивался к шагам Стражей на верхних этажах в течение нескольких минут. — Кто знает о том, что ты можешь сделать?

— Только моя сестра Артемида и, возможно, Зевс — если он обратил внимание на то, что витает в воздухе, — ответил он. — Я договорился с шестью богами, что если мы посадим Алекс на Эликсир, они будут ждать. Это касается не только её, Айден. Это касается жизни миллионов людей.

Я кивнул, оттолкнулся от стены, стараясь взять всего себя в руки. Долг и любовь никогда в действительности хорошо не совмещались раньше, но всегда существовала середина.

— Мне нужно время.

— Айден, у нас нет времени.

— Я прошу не о днях. Я лишь прошу о сегодняшнем вечере. — Я двинулся в сторону двери на цокольный этаж и приостановился. — Мне нужна ещё одна попытка.

— Я не могу винить тебя за это. — Он ухмыльнулся. — Я даю тебе сегодняшний вечер. Затем я вернусь завтра утром.

Снова кивнув, я открыл дверь. Аполлон исчез, к тому моменту когда я бросил взгляд над плечом, и я остался один. Наедине с решением, с которым, как я знал, я никогда не смогу жить, если приму его.

Алекс лежала на матрасе, свернувшись в клубок на боку, спиной к двери. Она не стала требовать, чтобы я выпустил её или начала материть меня, как она делала последние три дня или около того. Она даже не отреагировала на мое присутствие здесь.

Возможно, она спала, но моё сердцебиение ускорилось, когда я полез в карман, вытаскивая один из трех ключей от двери.

— Алекс?

Ничего. Не дрогнула ни одна мышца.

Хотелось надеяться, что она спала, но мои руки дрожали, когда я повернул замок и проскользнул внутрь, быстро закрыв и заперев дверь за собой. Я опять позвал её по имени, пряча ключ в задний карман. Никакого ответа не последовало, и к этому времени, Алекс уже бы набросилась на меня, как демон вслед за эфиром.

Что-от было не так.

Я бросился к ней и опустился на колени на край матраса. Волосы беспорядочно закрывали её лицо. Мой пульс колотился, я положил руку ей на плечо.

— Алекс...

Резко перевернувшись на спину, она ударила меня в живот босыми ногами. Воздух вырвался из моих легких, заставив меня задыхаться. Я упал, группируя себя, когда она вскочила на ноги.

Проклятье. Я должен был знать, что она — это волк в овечьей шкуре.

С почти звериным криком, она обрушилась на меня, коленями вперёд. Я перевернулся на бок, и я мог бы схватить её за ноги, но причинить ей боль не было тем, что я смог бы сделать. Ударившись об пол рядом со мной, она закинула ногу надо мной, запирая меня между бедрами.

Я вскинул брови.

— Что ты делаешь?

— Заткнись, — прошипела она, хватая мою руку.

— На самом деле, если ты хочешь поддержать меня за руку и пообниматься, всё что тебе надо сделать, так это попросить.

Ярость окрасила её щеки, когда она повалилась на меня, расставляя мои ноги. Безмолвно и злобно смотря на меня, она потянулась к моему карману.

Я схватил её за запястье.

— Черт, Алекс, обычно мне нравится, когда ты распускаешь руки, но прекращай.

Она усмехнулась, пытаясь высвободить руку.

— Не знала, что ты такой извращенец.

Натянуто улыбаясь, извернувшись, я освободил руку и поймал её ладонь, когда она попыталась схватить меня за горло.

— Ты прекрасно знаешь, какой я.

— Не напоминай мне. — Используя свой вес и силу, которая у неё всё ещё была, она вырвалась из моей хватки. Поднявшись на ноги, она сжала руки в кулаки. — Дай мне выйти отсюда, Айден.

Я встал.

— Этого не произойдет.

Алекс бросилась на меня, оттолкнув меня на шаг назад.

— Дай мне ключ. Я должна уйти. Мне нужно идти к нему.

После этих слов мою кожу стало покалывать.

— То, что тебе надо сделать, так это послушать меня.

Её грудь быстро вздымалась, а взгляд метался к закрытой двери. Она передвинула назад левую ногу на дюйм, и точно также, как я учил, она перенесла вес на эту ногу и нанесла удар.

Удар был чертовски прекрасным — колено согнуто под углом в девяносто градусов для достижения максимальной отдачи после выпрямления ноги — но я ожидал этого. С помощью предплечья, я заблокировал удар вместо того, чтобы, используя импульс, отправить

ее вниз на твердый пол, прошипев, когда острая боль сотрясла мои кости.

Алекс была невероятно быстра, когда этого хотела, еще быстрее, чем Аполлион. Быстро развернувшись, она ударила меня локтем, затем ребром ладони. Затем она наклонилась, чтобы схватить меня за ноги – все приемы мы проигрывали сотни раз. Драка друг с другом была похожа на драку с самим собой.

Предвидя удар «бабочки», я ринулся за ней. Она развернулась вокруг, замахнувшись рукой. Воздух порывом обдал мою челюсть, когда я нырнул за неё и обернул свои руки вокруг её талии. Я притянул ее спину к своей груди, откинув голову назад, чтобы избежать удара головой.

— Отпусти меня! — Завизжала она, извиваясь, как сумасшедшая. Ее голос стал высоким, словно я причинил ей боль, но я знал, что это не так. — Отпусти меня!

— Алекс, тебе надо послушать меня. – Обсуждение с ней, вероятно, попадало прямо в один ряд с безумием, но я должен был дать ей шанс выбраться из этого. — Если ты не разорвешь свою связь с Сетом, тебе не понравится то, что произойдет.

— Тебе не понравится то, что произойдет! — Она откинула всем весом назад, подтянув ноги к груди, но я с легкостью удержал её. — Потому что я собираюсь всерьез причинить тебе боль, когда я выберусь отсюда. Мой первый визит будет к твоему брату!

— Перестань! Послушай меня. — Я наклонил голову вправо, снова избегая контакта с её головой. — Боги планируют начать войну из-за того, что делает Сет.

— Отлично! Позволим им начать! — Она рассмеялась, опуская ноги на пол. — Мы уничтожим каждого из них. Начнём с этого идиота Аполлона.

Я вздохнул, моё терпение заканчивалось. Да, я не был святым, что бы там не утверждал Сет.

— Ты не можешь продолжать словно...

Ее локоть ударил мне в живот, и она вырвалась из моей хватки. Я резко двинулся вперед, ловя ее за талию, и повалил на матрас, хотя должен был бы просто ударить по голове. Не похоже, что она оплатит мне такой же добротой.

Алекс поднялась, пытаясь обвить свои ноги вокруг моей талии, чтобы подмять меня. Я придавил её, используя свой вес, чтобы взять в капкан нижнюю часть её тела. Её руки взметнули к моему лицу, пальцы изогнуты словно когти. Схватив её за запястья, я положил её руки вниз на матрас, возведя их над её головой.

— Смотри на меня, — сказал я, наклонившись настолько низко, что наши лица разделяло всего несколько дюймов. — Смотри на меня и слушай.

Она начала отворачивать голову, но я прижал свой лоб к её лбу, удерживая её. Она сильно зажмурилась и я ни черта с этим поделать не мог.

Сделав глубокий вдох, я молился о её понимании. Хотя бы один раз ...

— Это не ты, Алекс. Ты никогда бы себя так не повела. Это не ты.

— Да, это я. — Её голос болезненно содрогнулся, когда она снова изогнулась, практически сбросив меня с себя. — Тебя просто бесит, что я не хочу тебя больше. Ты ревнуешь и ты одержим.

Я проигнорировал её слова.

— Ты позволяешь Сету контролировать себя. Помнишь, как ты боялась этого? Как ужасало тебя то, что ты можешь потерять себя в нём? Что со всем этим случилось?

Она успокоилась, за исключением прерывисто опадающей и вздымающейся груди.

Мои глаза проследили за контурами ее лица.

— Я клялся тебе, что никогда не позволю этому с тобой произойти, и я знаю, что подвел тебя, но я не собираюсь просто так сдаваться, Алекс. Я никогда не откажусь от тебя.

Её губы сжались в тонкую линию и дрожь прокатилась по её телу.

— Ты всегда была такой сильной — бесподобной. Только ты контролировала свою жизнь. Никто не мог принимать решения за тебя. Но это — ты даже не подвергла сомнению, не сопротивлялась тому, что произошло — это слабость.

Глаза Алекс распахнулись.

— Я не слабая.

— Тогда докажи это! — Проклятье, мне хотелось встряхнуть её.
— Оградись от него, хотя бы на несколько минут. Я знаю, что ты можешь. Я знаю, что ты работала месяцами над возможностью заблокировать его. Заблокируй его, Алекс, и поговори со мной. Докажи мне, что ты не слабая.

Янтарные глаза вскипели, ярко и мощно. Они были красивыми, словно бог поместил два драгоценных топаза на её лицо, но я их ненавидел. Ненавидел то, что они означали и символизировали. Ненавидел это, несмотря на то, что Алекс сделала — не важно что мы сделали — она, как бы то ни было, была связана с Сетом и потеряла себя в долю секунды.

— Я знаю, что ты можешь сделать это, — сказал я. — Я знаю, что у тебя достаточно силы, потому что это то, что я люблю в тебе больше всего. Твоя сила достойна восхищения — красивая. Это то, кто ты есть. И то кем ты стала — это не ты.

— Любишь? — Она повторила слово, словно оно было неизвестным для её языка.

Мою грудь стянуло, и слова сорвались с моего языка еще до того, как я успел их остановить. И проклятье, я умолял — это то, что я никогда не делал раньше.

— Пожалуйста, вернись ко мне, Алекс. Пожалуйста. Я слишком сильно люблю тебя, чтобы потерять. И я слишком сильно люблю тебя, чтобы позволить произойти тому, что надвигается, но ты не оставляешь мне выбора.

Её ресницы с трепетом опустились, и лишь спустя удар сердца, её глаза снова открылись. Я втянул воздух, слишком пораженный, чтобы что-то почувствовать или подумать о чем-то другом, кроме того факта, что её глаза были карими — теплые, карие глаза цвета виски.

Её глаза были карими.

— Алекс ...

Лицо побледнело, а губы затряслись, её брови сдвинулись вместе.

— Мне так жаль. Айден, я по...

Крик вырвался из неё, и она изогнулась дугой, практически отделившись от матраса, глаза широко распахнулись.

Моё сердце остановилось.

— Алекс?

— Я не могу ... это повсюду. Это ... больно. Айден, пожалуйста ... останови это., пожалуйста...

Она рухнула вниз на матрас, стонущая и извивающаяся, крутя головой из стороны в сторону.

С комом в горле, я уже было позволил ей подняться, но затем её глаза снова открылись и мне захотелось рвать и метать. На меня вновь пристально смотрели золотистые глаза. Я почти вернул её — почти.

Алекс обезумела подо мной.

Странная смесь эмоций, сосредоточенная внутри меня, затруднила ожидание окончания этого. Надежда рушилась и перегорала в колюще-острое разочарование, которое, в конечном счете, дало выход ярости. Алекс была там и она страдала. Всего на пять секунд получилось уловить её проблеск, и её снова втянуло во власть Сета. Я не знал, должен ли я быть счастлив или стоило переживать за свою душу.

Даже с недостаточным питанием и сном, потребовалось неимоверное количество времени, чтобы она замучила саму себя. Она металась, кричала, била и даже попыталась укусить меня.

Зато в итоге, она утомилась и заговорила, задыхаясь.

— Тебя это осчастливило? Причинить мне боль таким образом? Это заставляет тебя почувствовать себя большим и крутым?

— Я не причиняю тебе боль. — Я устало открыл глаза.

— Ты убиваешь меня! — Она попыталась подняться, но упала обратно. Чертова девчонка сама собиралась причинить себе вред.

— Боги милостивые, Алекс, ты можешь перестать бороться со мной хотя бы на чертову секунду? — Она открыла рот, но я прикрыл его своей ладонью. — Не надо умничать. Ты даже не представляешь насколько поганая ночь у меня была.

Она сощурила глаза.

— Серьезно. Никаких остроумных замечаний.

Она успокоилась, и я убрал руку. Кончик её языка выпорхнул из рта, увлажнив губы. Я мог с точностью сказать, что у неё что-то крутилось на языке, совершенно выводящее из себя, но она сдержалась.

— Мне надо, чтобы ты попробовала снова, Алекс. Заблокируй его. Разорви связь, и я помогу тебе пройти через это на этот раз. Я клянусь. Я проведу тебя через это.

Алекс всматривалась в меня в течение очень долгого времени, я даже испугался, что она потеряла способность говорить.

— Ты не понимаешь. Я не хочу этого. Мне нужен он, Айден. Не ты. Полукровка и чистокровный не могут любить друг друга. Просто позволь мне уйти.

Кто-то будто пробил дыру прямо у меня в груди. Боль была настолько подлинной — такой же реальной, какую я засвидетельствовал несколько минут назад.

Айден, пожалуйста, останови это.

Я сконцентрировался на этом, вместо того, что она сказала. Алекс страдала, когда она боролась с ним, и кто знал, были ли периоды, когда она боролась с ним, а мы просто не замечали. Всё, что я знал, это то, что когда она была сама собой — самой настоящей собой — она попросила остановить это, умоляла меня. И был единственный способ это остановить.

Я тотчас понял, насколько сильно бы меня не разрывало на части, другого выхода не было.

Наклонившись, я прикоснулся губами к её влажному виску и прикрыл глаза. Секунда — всего одна секунда — прошла, и я впитал её тепло и мгновенную близость при отсутствии её борьбы со мной. Затем она отвернула свою голову в сторону и сказала нечто настолько ужасное даже для восприятия. Оторвавшись от неё, я поднялся на ноги и отступил, выходя из клетки.

Алекс осталась на матрасе, не утруждая себе бегством к двери, когда я её закрыл. Я стоял там, наблюдая за ней, и понимая, что то, что я собираюсь сделать, никак не связано с моим долгом перед

человечеством или перед собственным родом. Это, на самом деле, не имеет никакого отношения к Аполлону и его предупреждениям.

Айден, пожалуйста, останови это.

Был только один способ это остановить.

Глава 5

Следующим утром Аполлон, Маркус и я стояли на маленькой застеклённой террасе, переполненной растениями и цветами. Сладкий терпкий аромат напоминал мне об Алекс. Чёрт, мне всё напоминало об Алекс.

В одном она вчера была права. Я был одержим.

Аполлон перешёл к сути дела.

— Ты согласен?

Я взглянул на Маркуса, понимая, что вчера он принял окончательное решение. Как и я. Будучи утомленным и вымотанным, я провел рукой по своей заросшей щеке. Боже, мне надо побриться.

— Айден, — окликнул Маркус.

Небрежно выдохнув, я прищурил глаза. Они не знали, что Алекс отключилась от связи на несколько секунд прошлой ночью. Крошечный проблеск её самой был тем, что я держал у сердца, но в ярком солнечном свете я уже не был так уверен действительно ли это произошло, или же я принимал желаемое за действительное.

Я прочистил моё неожиданно пересохшее горло. Слова с трудом формировались на языке.

— Дай ей Эликсир.

Вот и всё — всё, что было нужно.

Хлопок, похожий на звук открывающегося шампанского нарушил тишину. Воздух покинул комнату, и я повернулся на звук. Мерцающие синие частички пыли появились солнечных лучах. Каждая частица блестела, подобно сапфиру. Они быстро слились воедино, словно их тянуло друг к другу. В течение нескольких секунд перед нами предстала женщина.

Облаченная в синее шелковое одеяние, облежавшее её формы, богиня запрокинула свою златокудрую голову назад. Длинные,

густые локоны ниспадали до её талии, и она направилась в сторону Аполлона, покачивая бедрами.

Маркус втянул воздух, явно пораженный красотой богини, но я не ощутил ничего, кроме ледяного оцепенения, и мы оба поклонились.

Со мной действительно было что-то не так.

Или возможно я просто был слишком сосредоточен на том, что она держала в своих утонченных руках — древний керамический кувшин с вырезанным на нем ненавистным символом. Окружность с косой чертой, проходящей через неё — символ рабства.

— Ананка, — поприветствовал Аполлон, преклонившись перед старшей богиней.

Я вскинул брови. Это было быстро. Было жутко сознавать, какими осведомленными могут быть боги, когда этого хотят. Мгновенно я испытал к ней неприязнь, но заставил себя сохранить спокойное выражение лица.

Она передала Аполлону кувшин, затем повернулась ко мне, уголок её губ дрогнул с одной стороны до того, как она снова повернулась лицом к Аполлону.

— Хватит лишь... глотка. Тебе останется закончить внушением.

Сжав кулаки, я начал разворачиваться, но остановился. Я многократно слышал внушение на протяжении многих лет. Оно уже текло в моих мыслях. Мой желудок скрутило.

Богиня отошла от Аполлона, вернувшись в центр комнаты.

— Потребуется всего несколько минут, чтобы подействовало. Это заглушит всю её силу Аполлиона, следовательно, разорвёт связь. Она будет ... другой.

Мне не понравилось как это прозвучало, и поэтому я спросил:

— Что ты имеешь ввиду под словом "другая"?

Её губы снова приподнялась.

— Она будет более податливая — уступчивая по природе.

— Что? — Я взглянул на Аполлона. — Я не соглашался на это.

Аполлон бросил мне быстрый взгляд, говорящий заткнуться ко

всем чертям и еще многое в придачу. Сделав глубокий вдох, я сложил руки за спиной.

— Приношу свои извинения.

Богиня изогнула бровь, затем кивнула.

— Я добавила туда Ма-Хуанг, который влияет на память. Её воспоминания связывают её с Первым. Без них, он просто не существует для неё. Это, конечно, не совершенное, но лучшее из решений, которое мы можем предложить.

Озноб полз вверх по моей спине. Если Сета не существовало, значит и всех тех, о ком она заботилась или кому доверяла. Включая меня.

— Она будет быстро утомляться, — продолжила Ананка. — И ею будет очень легко манипулировать, пока мы ищем более постоянную меру.

Постоянная мера находилась в этой комнате — Аполлон — но, к счастью, большинство богов не знали, что он может её уничтожить.

— Как долго это будет длиться? — Спросил Аполлон.

Ананка покачала головой.

— Нельзя сказать. Может быть несколько дней, если вам повезет, но вы поймете когда действие начнет ослабевать. Она станет более беспокойной, возможно начнет что-то вспоминать. Когда это случится, ей потребуется новая доза.

— Это ей не навредит? — Беспокойство окрасило голос Маркуса.

— Нет. — Её образ стал мерцать, исчезая, но её голос с холодным безразличием всё еще доносился до нас. — Но не давайте ей больше шести доз. Тогда этот эффект станет постоянным.

И затем она полностью исчезла, оставив всех нас стоять, разинув рты от удивления. Маркус громко выдохнул.

— Очень мило с её стороны добавить это.

— Эффект может стать постоянным? — Я приподнял бровь, заставляя Аполлона отвести взгляд. — Ты знал об этом?

Он прищурил глаза.

— Я знаю столько же, сколько и ты. По крайней мере, мы знаем, что нельзя давать свыше шести доз. Если действие одной дозы продлится, как минимум, четыре дня, то это даст нам практически целый месяц времени.

— Если каждый раз действие будет длиться четыре дня, — я обратил его внимание.

Аполлон мельком взглянул на кувшин.

— Ладно, нам придется выяснить это.

Я спустился по лестнице, настолько отстранённо, насколько мог. Знание того, в чём я собирался принять участие, омрачало мою душу. Нечто подобное может показаться драматичным, и раньше я действительно не думал, что такое было вполне возможно, но теперь я осознал это.

— Это к лучшему, — сказал Аполлон.

Пристально смотря на него, я проскользнул мимо и остановился перед клеткой. Алекс сидела на матрасе, спиной к стене, колени близко прижаты к груди. Она уставилась мимо меня, как я понимал, смотря туда где Аполлон ожидал в тени. По какой-то причине, Алекс реагировала как безумная гидра, когда Аполлон появлялся рядом с ней.

— Ты, наконец-то, опомнился и решил позволить мне уйти? — Ухмылка скривила её когда-то красивые губы. Теперь они были потрескавшиеся из-за недостатка воды. Нетронутая бутылка воды стояла у стены.

Я отомкнул дверь.

— Ты знаешь ответ на этот вопрос.

Алекс поднялась на ноги, качнувшись, когда шагнула с матраса. Её лицо было бледное, подобно окружающим её стенам.

— Я должна была знать, что никто из вас не окажется достаточно умным.

Мы прошмыгнули в клетку, заперев за собой дверь. Я устало смотрел на Алекс. Она каждый день становилась всё слабее, но девочка была борцом до мозга костей. Маркус передвинулся назад, позволив мне заняться ею, как мы и планировали.

Казалось уместным, что я буду тем, кто это сделает.

Ее мрачный янтарный взгляд скользнул мимо меня к тому, что Маркус держал в руках. Жидкость в стекле была темно-синей и плотной. В её глазах вспыхнуло осознание, и она отступила на шаг назад. Я передвинулся в её сторону, затаив дыхание.

Как и ожидалась, она взбесилась.

Резко рванувшись вперёд, я обернул свои руки вокруг неё, прижав ее руки по бокам. Используя свой вес, я повалил ее на пол, настолько аккуратно, насколько я смог, но она металась и боролась изо всех сил. Удерживая её, я смог обхватить ногами её талию и замкнуть их ниже, поверх её ног.

Алекс попала в ловушку.

— Нет! Нет! — Кричала она снова и снова, каждое слово било в самое сердце. — Нет! Нет!

Прижав свою щеку к её, я заставил её откинуть голову назад.

— Прости, Алекс. Мне так жаль.

— Ты не можешь сделать этого со мной! — Она попыталась покрутить головой, но потерпела неудачу. Её голос был пропитан ненавистью и силой, остротой, которые не принадлежали ей. — Ты пожалеешь об этом. Все вы, это будет последнее, что вы сможете сделать. Я обещаю вам.

— Давай, — подгонял я, желая, чтобы это поскорее закончилось. Взглянув поверх плеча Маркуса, мои глаза встретились с глазами Аполлона. Сейчас он стоял прямо перед клеткой. Даже бог выглядел так, словно испытывал отвращение к тому, что мы делали.

Со страдальческим выражением лица, Маркус принял полусидячее положение перед нами и зажал рукой подбородок Алекс. Его рука тряслась, когда он поднял стакан с Эликсиром и распрямил свои плечи.

— Прости, Александрия. Это закончится через секунду.

Словно сработал выключатель, голос, который вырвался из дрожащей девушки, был тем, который я признал и опасался услышать.

— Пожалуйста, не делайте этого, — умоляла она. Через

несколько секунд, мои щеки были мокрыми от ее слез. — Пожалуйста, Маркус, пожалуйста, не делайте этого со мной.

Маркус стал колебаться.

— Алекс?

Её тело содрогнулось подо мной.

— Я буду вести себя хорошо. Я обещаю. Я сделаю всё, что вы скажите, но, пожалуйста, не давайте мне Эликсир.

Я быстро вздохнул.

— Какого цвета её глаза?

— Золотые, — проворчал он.

Перекинув оба её тонких запястья в одну руку, я оттолкнул руку Маркуса в сторону и зажал её подбородок.

— Это не она. Давай. Проклятье, просто сделай это!

Алекс взвыла, и часть меня похолодела — навсегда. Я заставил её открыть рот, оставив синяки на челюсти, когда она снова стала бороться. Энергия гудела внутри меня, шокируя меня каждые пару секунд. Маркус прислонил стакан к её губам, и тошнотворный сладкий аромат Эликсира наполнил клетку.

Даже после того, как всё содержимое стакана исчезло, Алекс продолжала бороться. Крича, вращая бедрами, мотая головой то вперёд, то назад, до тех пор, пока я не почувствовал как её дыхание стало становиться глубже, медленнее.

Маркус отодвинулся назад, отставляя стакан в сторону. Он вытер руки о свои брюки, словно мог каким-то образом стереть то, что он только что сделал со своей племянницей, но это оставило след в моей душе.

Я никогда не смогу забыть это, не важно как сильно я буду пытаться.

Я смотрел на Маркуса и Аполлона, когда её мускулы ослабли и тело, рядом с моим, расслабилось. Её голова откинулась назад мне на плечо и повернулась в сторону, когда она сделала глубокий, длинный выдох, который прозвучал как вздох.

Посмотрев на нее сверху вниз, я снова увидел знаки.

Замысловатые узоры проступили на её коже, кружа по щекам и вниз по шее. Окрашившись синим цветом, они начали сиять, пока всю комнату не залило сапфировым светом, а затем они постепенно исчезли. Алекс замерла.

— Ты должен завершить это, — сказал Аполлон.

В один из таких дней я снова ударю Аполлона. Вероятно, я не выживу после этого, но это точно произойдет. Развернув Алекс в своих руках, я убаюкивающе прижал её к груди и накрыл ладонью её щеку.

— Александрия, открой глаза.

Её ресницы затрепетали на фоне бледных щек, а затем, наконец, приподнялись. Я резко втянул в себя воздух. Её глаза были раздроблены — тускло-коричневые с золотом, раздробленным по всей поверхности. Связь была разорвана, но смотрящая на меня беспомощно девушка была не Алекс. Это был и не Сет.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigochei.net

Она была незнакомкой — молодой, напуганной девушкой, которая не узнала меня, пустым листом, идеально подходящим дня внушения.

Я подавил ярость, растущую у меня в горле, и смотрел ей прямо в глаза.

— Το όνομά σας είναι Александрия.

Тебя зовут Александрия.

Она медленно моргнула.

Боль рассекала мою грудь.

— Το όνομά μου είναι Айден ... — я поперхнулся, когда моё горло запылало. Мои глаза наполнились влагой, затуманивая взор на лицо Алекс. Я не могу это сделать. Но я должен. Слова внезапно вырвались из меня. — Το όνομά μου είναι Айден και είμαι ο Δάσκαλός σας.

Меня зовут Айден, и я твой Хозяин.

— Θα υπακούσει μου κάθε επιθυμία, την επιθυμία,. και την εντολή σε θάνατο.

Ты будешь выполнять любую мою просьбу, желание и приказ до самой смерти.

Или до тех пор, пока действие Эликсира не развеется.

Она вдохнула под влиянием слов, расслабилась немногим больше, и усвоила их. А я наблюдал, как её раздробленные глаза становились понурыми ещё больше. Я отпустил её руки, и они упали ей на колени.

— Как тебя зовут? — Спросил я, мой голос охрип.

— Александрия, — повторила она мягким голосом, который я никогда не слышал от Алекс в реальной жизни.

— А кто я?

— Айден. — Она улыбнулась, а меня передернуло. — Ты мой Хозяин.

Глава 6

Первым делом мы её накормили, но это оказалось не так просто. Я вывел Алекс наверх и посадил за стол. Всё это время она держала взгляд опущенным на свои руки, которые были сложены на её коленях.

Алекс не говорила, пока к ней не обращались напрямую, и даже тогда она не поднимала свои глаза. Я поставил тарелку с мясным ассорти и чашу с фруктами перед ней, равно как и банку с виноградной содовой — её любимой.

Она не сдвинулась с места.

Я взглянул на Маркуса, который остался стоять рядом с дверью, чтобы быть уверенным, что никто не зайдет. Аполлон незамедлительно исчез, как только я вывел её из клетки. Сукин сын.

— Ты должно быть голодна, Алекс. Ты ничего не ела несколько дней.

— Меня зовут Александрия, — слышался нежный шепот.

Я несколько раз моргнул и затем пододвинул тарелку ближе к ней.

— Ты не голодна, Александрия?

— Я голодна?

Затем до меня дошло. Как и большинство полукровок, находящихся в рабстве, им надо приказывать — приказывать абсолютно всё. Откинувшись на спинку стула, я запустил руку в волосы.

— Пожалуйста, ешь, Александрия.

Её ресницы взметнули вверх. Эти странные глаза встретились с моими на долю секунды, и затем взгляд переместился на тарелку с едой. Сначала она медленно ела, но как только она почувствовала себя комфортно — или уверенной в том, что она делает — она опустошила тарелку и большую часть чаши с фруктами. Выпив две банки содовой, она потянула себя за локон волос.

Маркус покачал головой и развернулся, оставляя нас одних. Жалел ли он все то время, что он желал, чтобы Алекс была более послушной? Забавно, даже когда я настаивал на том, чтобы она чего-то не делала в прошлом, то в тайне любил то, что она редко прислушивалась.

Я встал, удивившись, что она автоматически встала со стула.

— Я покажу тебе твою комнату и ты сможешь принять душ, если хочешь. — Я прикусил щеку, когда она опустила вниз взгляд. Очередная попытка. — Ты помоешься и затем отдохнешь.

— Хорошо. — Она посмотрела вверх, её взгляд медленно перемещался по моему лицу. — Я ...

— Что? — Я шагнул вперед.

Алекс отступила назад за кресло, словно это был какой-то защитный щит. Она покачала головой. Я предоставил ей немного времени, чтобы она продолжила говорить, но она продолжила молчать. Мне хотелось потянуться и прикоснуться к ней, успокоить её, но у меня было ощущение, что это расстроит её.

Я провел её в спальню, в которой я остановился. Маленькая комната соединялась с моей через общую ванную комнату. Разместив её в этой комнате, я смогу присматривать за ней.

Как минимум это было тем, что я говорил сам себе, пока я показывал ей душевую и клал два полотенца и халат на раковину в ванной комнате. Это не имело ничего общего с тем фактом, что я просто хотел, чтобы она была ближе ко мне.

Да, я никого не обманывал.

Сначала я подумал, что мне придется раздеть её, и милостивые боги, ни при каких обстоятельствах я бы не сделал этого и я не мог, ну, думать и чувствовать что-либо. Затем она схватила край своего свитера и стала его поднимать. Я заставил себя выйти из ванной. Св. Дельфи ну-ну.

Закрыв за собой дверь, я прислонился к ней и закрыл глаза. Послышался шум воды, и я оттолкнулся от двери, пересёк комнату и присел на край кровати. Усталость сочилась по моим костям. Возможно, я смогу теперь поспать, по крайней мере, дольше, чем несколько часов.

Очень маленькая, крошечная степень облегчения гудела во мне. Алекс была поблизости, не пыталась никого убить, и больше не была связана с Сетом. Есть что отпраздновать, верно? Нет. Та девушка, которая была поблизости не была настоящей Алекс. Она не смогла бы быть такой кроткой, даже если бы постаралась.

Прошло пятнадцать минут и заскрипев медленно открылась дверь. Выглянула гораздо более чистая Алекс, теребя воротник халата, потупив взор. Она вошла в спальню, переступая с ноги на ногу.

— Я закончила.

Я встал, пристально смотря на неё — вернувшись назад в тот день, когда я привез её обратно в Ковенант и увидел, что было спрятано под слоем саж и грязи — такой же порыв сводящих с ума чувств внезапно нанес мне удар исподтишка.

Алекс была красивой — безупречной — для меня.

Её ресницы взметнулись вверх. Наши взгляды встретились, и милый румянец медленно появился на её щеках. Мой пристальный взгляд опустился к её приоткрытым губам и совсем другой вид голода начал разрастаться во мне. Прежде чем я понял, что я делаю, я пересёк комнату, протянул руки, пытаюсь дотянуться до неё.

Алекс рванулась назад, суставы её пальцев побелели. Смущение пронеслось по её лицу, когда она закусила нижнюю губу. От неё исходила тревога, когда она посмотрела на меня в изумлении.

Я остановился как вкопанный, заведя руки за спину. О чём я вообще думал? Она ... боится меня — боится своего Хозяина. Я

выругался.

Она подпрыгнула, глаза широко распахнулись.

Я никогда еще ненавидел себя больше, чем сейчас. Подавив все свои эмоции, я предоставил ей пространство.

— Оставайся здесь. Я найду тебе что-нибудь из одежды.

— Да, Хо...

— Не называй меня так. — Мой тон оказался грубее, чем я планировал и я постарался смягчить его. — Называй меня Айден. Хорошо?

Алекс кивнула.

Отрывая себя от неё, я направился к двери и оглянулся через плечо. Мои брови нахмурились. Она стояла на том же месте, руками теребя халат, глаза в пол, словно это был какой-то знак. Что, чёрт возьми, она делает?

Затем осознание пришло мне в голову. Я же сказал ей стоять. И она стояла.

— Алекс...

— Меня зовут Александрия.

— Хорошо. — Выдохнул я, аккуратно приближаясь к ней. Когда я был уверен, что она поняла, что я стою позади неё, я накрыл ладонью её локоть.

— Ты не должна стоять здесь. Ты можешь делать всё, что ты захочешь, Алекс — Александрия. Поспи. Или посмотри телевизор. — Я кивнул в сторону плоского экрана в углу, когда вел её к кровати. — Ты можешь делать всё, что пожелаешь. Хорошо?

Опустившись на кровать, Алекс кивнула и посмотрела на меня.

— Ты вернешься, правда?

— Конечно, — уверил я её. Она продолжила осматривать комнату, становясь всё более и более взволнованной. — Я уйду ненадолго. Я обещаю. — Алекс снова кивнула.

— Хорошо, Хо... — Она вздрогнула. — Хорошо, Айден.

У меня не заняло много времени отыскать для неё одежду. Все её вещи по-прежнему были в комнате рядом с моей. Маркус уже

заходил, затем исчез вниз по лестнице, и теперь Дикон крутился у двери.

Схватив одежду Алекс, я посмотрел на брата.

— Что происходит?

Он прислонился к дверному косяку и скрестил на груди руки.

— Как всё прошло?

— Она сопротивлялась этому, как и ожидалось, но это работает.
— Я сел на подлокотник кресла, зевнув. — Она... она не такая какой она была.

— То есть она не Злая Алекс ...?

Я покачал головой.

— Она ... просто нет — это только временно.

Дикон сжал губы.

— Всё настолько плохо, да?

— Я не сказал, что это плохо.

Он изогнул бровь.

— Я знаю тебя, Айден. Твоё разочарование — в самом себе, не в Алекс — написано у тебя на лице. Оно практически стекает с твоего чумазого лица.

Мои брови приподнялись.

— Я чумазый?

— Ты, типа, грязный. Может быть стоит подумать о бритье тоже, если только тебе не нравится выглядеть как бездомный, у которого нет шанса заняться сексом.

Я рассмеялся и встал.

— Я приму это к сведению.

Настоящая улыбка, та, которая так редко появлялась на лице моего брата, растянула его губы, хотя и быстро испарилась.

— С ней всё будет хорошо, верно? Я имею ввиду, что кто-нибудь найдет способ разрушить связь и она в мгновение ока станет жесткой-но-не-смертоносной Алекс? Они должны найти способ.

Моё хорошее настроение испарилось. Саркастическое замечание сломило мой контроль, разрушило ослабленную стену, возведенную вокруг меня.

— Боги, я надеюсь, что это так, Дикон. Я не могу ...

— Жить без неё?

Отвернувшись, я оставил без ответа вопрос потому, что в этом не было необходимости.

— Это всегда было настолько очевидно?

— Честно? — Дикон рассмеялся. — Я понял, что ты к ней что-то испытываешь, как и она к тебе, в тот же миг, когда ты вернулся из Атланты и разозлился на меня. Для меня это было очевидно, но только потому, что я знаю тебя. Забавно, ведь она полукровка, но странным образом она идеально тебе подходит, ты так не думаешь?

Я слабо улыбнулся.

— Да, я так думаю.

Возникла пауза и затем он спросил:

— Даже если все из нас выйдут из этого живыми и боги не спустят всех бого-зилл на мир и она вернется назад к Команду Айдена, как вы оба планируете получить своё "и жили они долго и счастливо"?

— Мы уедем. Таков был наш план. Это должно сработать. Аполлон перед нами в долгу.

— Серьезно? — Он прозвучал скептически, а не расстроено. — Ты откажешься быть Стражем? Сбежишь и попытаешься жить среди смертных?

Кивая, я обратил свой взор на него. Печаль сгустилась у меня в груди.

— Да, таков был наш план. Я собирался рассказать тебе. Мы придумаем что-нибудь, так чтобы ты и -

— Чувак, я знаю, что ты сделаешь так, чтобы быть уверенным, что я знаю где найти тебя, — ответил он, несколько раз моргнув. — Проклятие, Айден...

— Что?

— Просто... черт, я счастлив за тебя. Я считаю, что это круто. Это любовь — действительно та, ради которой ты готов принести жертву. Такая, когда ты кричишь "наплевать" всем остальным. Этому можно позавидовать.

Я изогнул бровь.

— Не особо уверен, что какая-либо часть моей жизни достойна зависти прямо сейчас, учитывая, что Алекс считает меня своим Хозяином.

— Эй, ты же знаешь, это могло бы...

— Даже не продолжай.

— Хорошо. Хорошо. Но будет лучше. — Его хорошо знакомый взгляд взмахнул вверх, встречаясь с мои. — Ты всё правильно делаешь, Айдэн. Лучше, чем большинство поступило бы в этой ... ситуации.

— Спасибо. — я улыбнулся, передвигая свой свёрток. — Как и ты.

— Я знаю. — Ухмыльнулся Дикон. — Я просто феноменальный.

— И скромный. — Я остановился перед ним, опустив подбородок. — Серьезно, как ты держишься?

Он пожал плечами.

— Бывало гораздо хуже, поэтому не беспокойся за меня. У тебя и без этого масса проблем.

Не беспокоиться о Диконе было противоестественно. Я провел последнее десятилетие своей жизни беспокоясь о нем — возможно чересчур много. Подавляя его, вместо того, чтобы поддержать его.

Дикон откинул назад голову, неожиданно став гораздо старше своих семнадцати лет.

— Иди немного отдохни — хотя, сначала прими душ. — Быстрый проблеск усмешки появился на его лице. — Мы пока присмотрим за ней.

Я кивнул, передав дела. Остановившись у двери в ванную комнату, я обернулся.

— Дикон?

Он откинул завиток волос с глаз.

— Да?

— Я знаю о тебе и Люке, и меня это не волнует, поскольку ты счастлив. Только поступай правильно по отношению к нему, и ты понимаешь, что я имею ввиду.

У него отвисла челюсть, и на этот раз удивил своего брата я, а не наоборот.

Я даже не пошел в свою спальню, решив сначала разместить одежду Алекс на полке и помыться. После долгого и пристального осмотра себя в зеркало, я осознал, что выгляжу... грязным. Откопав бритву, я принял душ и затем быстро побрился. Пара чистых пижамных брюк была припрятана в задней части стеллажа, но футболки не было. Питая надежду, что Алекс не запаникует, когда увидит мою голую грудь, я открыл дверь ванной комнаты.

И я полностью остановился.

Алекс свернулась на боку, поверх покрывала, ладони были сложены под её щекой. Её губы были приоткрыты и имели розовый оттенок. Две соблазнительные ноги выглядывали из под халата, мгновенно привлекая моё внимание. Я всегда любил ноги Алекс.

Она спала крепким сном.

Положив её одежду на ближайшее кресло, я подошел к ней и позвал по имени. Она что-то пробормотала, и я почувствовал чёртов трепет — на самом деле трепет — в груди. Очень осторожно я накрыл другим покрывалом её ноги. То ли изнеможение, то ли Эликсир оказал своё воздействие на неё. Я приподнял покрывало, обернув его вокруг неё.

Отойдя от кровати, я вышел из комнаты и прокрался по затихшему дому. Внизу, неподалеку от подвала, располагалась маленькая комната, в которой не было ничего, кроме четырех шлакобетонных стен. Кто-то повесил на потолок боксерскую грушу.

Накопленное разочарование и гнев от беспомощности подняли свою голову, и секунду спустя, мои голые костяшки пальцев уже врезались в изношенную, жесткую кожу. Я обезумел, и в то время, когда каждый удар проносил всплеск боли по моей руке, я приветствовал его.

Проходили часы, пока я бил грушу руками и ногами. Пот лился с меня, раздражая глаза и разорванную кожу вдоль моих костяшек. Физическая боль ничем не помогла, чтобы ослабить мучение, растущее внутри меня.

В мгновение ока я вернулся обратно в прошлое лето, когда я увидел, как Алекс делает то же самое, после того, как она обнаружила правду о своей матери. Она была жестоким, красивым созданием, в то время как кружила вокруг тренировочного манекена. Вихрь кровоточащих эмоций потянулся через тренажерный зал, подключившись к моим собственным запутавшимся чувствам. Когда она почувствовала мое присутствие, и наши взгляды встретились, как безумно бы это ни прозвучало, я почувствовал то, что чувствовала она.

Испытывая прерывистое дыхание, я остановился и оглянулся через плечо в сторону двери. Почему я ожидал, что обнаружу её, стоящую там, я никогда не пойму. Конечно же, дверной проем был пуст.

Алекс была опустошена.

Я вернулся наверх, схватил полотенце из темной ванной комнаты и привел себя в порядок. Вернувшись в спальню, я взглянул на слишком большой диван, прижатый к стене, а затем схватил тонкое одеяло с края кровати. Каждая клетка в моем теле требовала быть рядом с ней, но это казалось неправильным. Если она проснется рядом со мной, я боялся, что это расстроит и смутит её. Это было последнее, чего я хотел. Опустившись на свою сторону кровати, я расправил одеяло, и наблюдал, как она спит, пока истощение не взяло надо мной верх.

Глава 7

Алекс проспала почти двадцать четыре часа, проснувшись за несколько минут до того, как на меня обрушилось растущее беспокойство. Позже ночью, мы спустились вниз и, между нами двумя, мы едва ли не опустошили холодильник. Она всё ещё была нервной и делала только то, что я говорил ей, но к утру она стала более раскрепощенной, так что иногда казалось будто находишься рядом с очень спокойной, под действием седативного, Алекс.

Из кухни мы перешли на застеклённую террасу и оставались там. Она не разговаривала со мной до тех пор, пока я не задавал ей вопрос.

После изучения каждого цветка и растения в комнате, она села на один из диванов у окна и сидела там, пристально вглядываясь в толстые деревья, которые окружали наш безопасный дом.

Я сел рядом с ней, на другом конце дивана у окна, на удивление испытывая удовлетворение от того, что просто нахожусь здесь с ней, мне хотелось узнать о чём она думает и каждый раз, когда я спрашивал об этом, ответ был один и тот же.

— Ни о чем, — отвечала она, не отводя взгляд от стеклянных стен.

Это было подобно вскрытию грудной клетки, но не настолько плохо, как это было, когда слышались приближающиеся шаги по коридору или голоса, и Алекс замыкалась в себе. Она отрывала взгляд от деревьев в этот момент, и пристально смотрела на дверь. Коричнево-янтарные глаза наполнялись паникой. В какой-то момент на застеклённую террасу зашел Солос, узнать не нуждаемся ли мы в чем-то, так как он собирался поехать в соседний городок.

Единственный, кого она не пугалась, был её дядя. Было ли это некоего рода влияние остаточной семейной связи? Но даже тогда она относилась к нему также, как и ко мне. У Маркуса было столько же везения, как и у меня, чтобы вовлечь её в разговор. После этого я решил, что будет лучше держать её подальше от остальных домочадцев.

В итоге, после проведенных вместе часов, её глаза сфокусировались на мне. Я делал вид, что не заметил этого, но осознал, что её взгляд перемещается ниже.

Внезапно Алекс передвинулась, медленнее, чем она обычно это делала, и зажала мои руки в своих руках.

— Твои руки ...

Изумленный тем, что она вообще прикоснулась ко мне, я не мог ответить. Словно идиот, я сидел, когда её большие пальцы поглаживали косточки на моей руке, остановившись ненадолго на ободренных костяшках пальцев.

— Ты ранен, — сказала она. — Почему ты ранен?

Настолько нежно, насколько я мог, я освободил руки.

— Я не ранен. Не о чем беспокоиться.

Её ресницы взметнули вверх, когда она изучала моё лицо. Затем она кивнула и откинулась назад на спинку дивана, хмуро уставившись на собственные руки.

После этого она быстро устала, стала засыпать на ходу еще до девяти вечера. Я настоял на том, чтобы она поела прежде, чем я поднялся с ней наверх. Она отключилась минуту спустя после того, как её голова коснулась подушки, а я отправился спать на диван. Мы повторили тот же сценарий на следующий день, и было ощущение, словно огромные часы тикали у нас над головами, отсчитывая минуты до того, как нам придется дать ей новую дозу.

Мы провели утро на застеклённой террасе, но я убедил её выйти из этой комнаты, в основном потому, что я потеряю свой рассудок, если мне снова придется посмотреть на еще одно растение. Рабочий кабинет, как обычно, был занят мои братом, Леа и Люком, но в доме была еще одна гостиная наверху, которая была полностью забита книгами. Я повел её туда после того, как захватил с собой пакет чипсов и виноградную содовую для неё, в качестве перекуса.

Я наблюдал как она движется по комнате, ища знаки, что она начинала становиться беспокойной. Она остановилась напротив стола, взяла ручку и затем положила её на место. Её пальцы блуждали по поверхности записной книжки, и затем она вернулась к стеллажу с книгами. Она стояла там, изогнув бровь, когда она клала палец на корешок каждой книги.

— Хочешь что-нибудь почитать? — Спросил я.

Она подпрыгнула от звука моего голоса, и затем покорно опустила свой подбородок.

Я направился к ней, но затем остановился. Казалось, любое неожиданное движение заставляло её спасаться бегством.

— Всё хорошо, Алекс. Если ты хочешь что-то почитать, то можешь этим заняться.

— Моё имя не Алекс, — прошептала она. — Александрия.

Притупленное чувство жжения появилось у меня в груди, прямо под сердцем.

— Но тебе нравится, когда тебя зовут Алекс.

Покачав головой, она отвернулась от книг и медленно

направилась прямым к телевизору, потупив взор. Она остановилась напротив пустого экрана. Я взял маленькую статуэтку Афины, и затем поставил её на место. Мне хотелось подойти к ней и обнять, но я не был уверен как она отреагирует. Всё между нами было неестественным и неловким.

— Хочешь что-нибудь посмотреть?

Её подбородок приподнялся, но она не смотрела на меня. Расположенные по бокам, её кисти рук сжимались и разжимались.

— Можно?

Можно? Боги, когда Алекс станет лучше, она слетит с катушек.

— Ты можешь делать всё, что пожелаешь.

Слабая, робкая улыбка появилась на её губах и её ресницы взметнули вверх, открывая эти сокрушительные глаза. Я медленно выдохнул, но это не помогло уменьшить давление, давящее на мою грудь. Её взгляд упорхнул прочь от меня.

— Ты -

Открылась дверь и вошел Аполлон.

— Вот вы где.

Алекс замерла перед телевизором, словно дикое животное, на территорию которого зашел чужак. Она ринулась через комнату, ныряя мне за спину. Она съежилась там, крепко ухватившись за мою рубашку.

Аполлон внезапно остановился, светлые брови приподнялись вверх.

— Она только что спряталась за тобой?

Я свирепо смотрел на бога.

— Она не прежняя. Ты знаешь это.

Он моргнул полностью белыми глазами.

— Я знаю. Просто это неожиданно. Она словно маленькая нимфа или что-то в этом роде.

Услышав слово "нимфа" исходящее из уст Аполлона, мой самоконтроль растворился.

— Чего ты хочешь?

Аполлон склонил голову набок и тихо проговорил.

— Сердитый, сердитый, Айден.

Её пальцы вонзились мне в спину. Я отошел в сторону, полностью закрывая её. Если бы у Аполлона были нормальные глаза, я уверен, что они закатились бы от увиденного. Игнорируя его, я улыбнулся, глядя на неё.

— Всё хорошо. Аполлон не причинит тебе вреда.

Или, по крайней мере, я на это надеялся.

Алекс взглянула на меня сквозь ресницы. Впервые с момента её Пробуждения, я увидел доверие на её лице. Тепло наполнило холодную пустоту там, где покоилось моё сердце. Я никогда не видел рабов-полукровок, глядящих на своего Хозяина таким образом. Это должно было что-то значить.

Аполлон прочистил горло.

— И как я вижу некоторые вещи никогда не меняются.

Я нахмурился.

— Что ты имеешь ввиду?

— Ах, ну ты же понимаешь, любовные взгляды. Даже в тот момент когда кто-то — гмм такой как я, бог — стоит напротив вас двоих.

Я закатил глаза, будучи готовым проигнорировать этот комментарий, но Алекс с усилием потянула за мою рубашку.

— Что он этим хочет сказать? — Прошептала она.

Как я должен был ответить? То обстоятельство, что Алекс многое не помнила, было ключом к тому, чтобы удержать её подальше от Сета, но я не был уверен насколько много информации могу предоставить ей. И заданный ею вопрос, на самом деле, был грандиозным.

— Я объясню это позже.

Аполлон посмеивался.

— Я бы с удовольствием послушал этот разговор. — Я прищурил глаза, и он ухмыльнулся. Иногда мне казалось, его

единственной целью было действовать мне на нервы. — Произошло событие, как мне кажется, в курсе которого вы должны быть.

Я сомневался, что это были хорошие новости. Я начал было отвечать, но Алекс еще раз потянула меня за рубашку и прошептала.

— У меня болит голова.

— Я дам тебе что-нибудь от этого через нескольких минут. Хорошо?

Опустив глаза, она кивнула.

Мне хотелось побыстрее покончить с этим. Переместившись в сторону, я закрыл Алекс.

— Это имеет отношение к тому другому?

Поняв, что я имею ввиду Сета, он кивнул.

— Он недоволен тем, что не может установить контакт. Шпионы Диониса сказали, что они оба, он и Министр, становятся более обеспокоенными.

— Не сомневаюсь. — Никто на самом деле не знал, как Сет отреагировал в тот момент, когда связь была разорвана. Я почувствовал, что Алекс украдкой выглядывала из-за меня. Она смотрела на Аполлона широко раскрыв глаза. Он ухмыльнулся ей, и она ответила ему нерешительной улыбкой. — Он что-то сделал? — Спросил я.

— Хмм, если ты принимаешь во внимание уничтожение двух Стражей, отказавшихся присоединиться к их движению? Тогда да.

— Боги, — пробормотал я, снова закрывая Алекс, когда она передвинулась мне за спину.

Аполлон вытянул шею в сторону, прослеживая взглядом нервные перемещения Алекс.

— Они еще пока не выдвинулись против Ковенанта Теннесси, но примерно около пятидесяти их Стражей отделилось, и они появились на пути в сторону Нью-Йоркского Ковенанта. Он всё еще с Министром.

— И если они доберутся до Нью-Йорка, что тогда произойдет?

Выражение его лица стало мрачным.

— Я выпустил некоторых созданий с Олимпа, только на тот случай, если эти Стражи настроены враждебно.

Страх расцветал.

— Каких именно созданий?

— Несколько наиболее интересных созданий Гефеста — Колхидских быков.

Я поперхнулся, делая вдох. Я, наверное, плохо его расслышал. Колхидские быки были автоматами — бронзовыми огнедышащими быками — но это были не те быки, которых мы знали по мифам Язона и Золотого Руна. Во-первых, их было не два. Были сотни их, и они ходили на двух ногах. Как и все создания, которые принадлежали богам, они были согнаны в одном месте и отправлены на Олимп, на который ушли боги из смертного мира.

— И что случится, если смертные увидят их?

Аполлон вскинул бровь.

— Быки знают, как оставаться незамеченными, но если Нью-Йорк — или любой другой из Ковенантов — попадет под осаду, это станет спорным вопросом. Мир смертных станет хорошо осведомленным, что некоторые мифы являются истиной.

На самом деле не было ничего, что можно было ответить на это, и мой разум был уже занят слишком многими заботами, чтобы посвятить время на осмысливание этого события. Аполлон исчез, но не без попытки поговорить с раздраженной Алекс, которая ничего не хотела иметь с ним общего, довольно сильно развеселив его этим. Меня поражало это, весь мир был на грани войны, а Аполлон смеялся.

Принимая во внимание то, что это, вероятно, не было его первым родео.

Когда Аполлон исчез, она уставилась вверх на меня, выражение её лица было ущемленным.

— Моя голова ... она болит.

— Я что-нибудь тебе сейчас найду.

Когда я вышел, чтобы найти ей немного аспирина, она последовала за мной, никогда не отходя слишком далеко от меня. Она

приняла две таблетки без каких-либо вопросов, тогда я и осознал как таким доверием возможно злоупотребить — и так было со многими другими полукровками — в неправильных руках. Приступ тошноты и безумный страх возрос от этого осознания.

Похоже, аспирин не помог. Алекс уходила все больше в себя, её глаза были закрыты большую часть фильма, который я включил. Мрачный голос нарастал у меня в голове, постоянно напоминая, что даже если она уснёт и я отнесу её в кровать, её вес покажется несущественным. Её головная боль была знаком.

Действие Эликсира испарялось. Завтра будет четвёртый день.

Мысль о том, чтобы дать ей новую дозу убивала меня. Прошли часы, пока я лежал на диване, уставившись в потолок, наблюдая за тонкими лучиками лунного света, пробивающимися через темноту. Стёганое одеяло скрутилось вокруг моих ног, когда я поворачивался на бок. Смогу ли я снова сделать это? Дать ей что-то, что разрушает всю её сущность и наблюдать как она принимает это с таким возникшем доверием в её глазах?

Я закрыл глаза, сложив руки за голову. Другого выхода не было. Аполлону надо найти способ, потому что она не может сделать это самостоятельно. Наконец, сон успокоил меня, но это длилось не долго.

Чуть позже я неожиданно проснулся. Темнота окутала комнату и диван ощущался гораздо меньше, чем был прежде. Запах ... персиков окружал меня. Что-то теплое и мягкое прижалось к моему боку, прижимаясь ближе. Руки крепко стиснули старую футболку, которую я откопал днём ранее.

Мои глаза распахнулись.

В поле зрения попала макушка головы Алекс, когда она положила щеку мне на грудь и выпустила короткий вздох. Каждый мускул в моем теле напрягся. Мне это снилось? Мне казалось, я перестал дышать. Что она вообще делает здесь, на диване, со мной?

— Алекс? — Мой голос прозвучал грубовато. — Что ты делаешь?

Она приподняла голову достаточно, чтобы я смог увидеть крупинки янтаря, различимые за её ресницами. Эти глаза с раздробленным цветом были самым невероятным, что можно было

увидеть ночью.

— У меня болит голова.

Я начал приподниматься, чтобы сесть, но Алекс переместилась, закинув свою ногу на мою, словно безмолвно просила меня не двигаться.

— А ... — Я никогда еще в своей жизни не был таким неуверенным, или неспособным прочитать человека. — Хочешь, чтобы я принес тебе еще немного аспирина?

— Нет. — Она положила голову снова мне на грудь, уютно свернувшись. — Теперь полегче. Пусто.

Я сглотнул. Тяжело.

— Пусто?

— Ммм-умм, — пробормотала она, вздрагивая. — Тише, когда я рядом с тобой.

Моё сердце запнулось.

— Тише? Ты слышишь речь? Человека?

— Я не знаю. Это похоже ... — Она зевнула, растянув руку по моей груди. — Словно кто-то разговаривает со мной издали. Может быть, я... ?

Сет. Ярость нахлынула на меня и я постарался не дать ей просочиться в мой голос.

— Что?

— Сумасшедшая? Может быть, я сумасшедшая?

— Вовсе нет, агарі. — Я опустил одну руку и взял одеяло, попытавшись поднять его так, чтобы накрыть её полностью. — Ты можешь разобрать то, что говорит голос?

Она покачала головой.

— Я не хочу знать. Я не должна, верно?

— Нет, — у меня внутри всё заныло.

— Хорошо, — сказала она, и я задался вопросом, улыбнулась ли она. — Я могу остаться с тобой?

— Всегда. — Боги милостливые, я не хотел, чтобы она была где-

нибудь ещё.

Между нами воцарилась тишина, её дыхание стало ровным и глубоким. Итак, головная боль была признаком того, что Сет пытался связаться с ней, что объясняет кратковременные вспышки боли, которые я видел еще до Эликсира, и подтверждает мои подозрения, возникшие с самого начала. Связь каким-то образом причиняла ей боль. И теперь, когда связь была приглушена, это означает, что она однозначно нуждается в новой дозе завтра.

Новая волна злости прокатилась по мне, но я старался сохранить тело расслабленным, не желая напугать её. Я искренне верил, что Сет рожден заботиться о ней, вероятно даже любить её в своей собственной манере — какой бы эта манера ни была. Особенно после смерти Калеба, он заботился о ней, защищал её, когда я этого не делал. В Нью-Йорке он присматривал за ней и готов был убить любого без колебаний, чтобы быть уверенным, что никто никогда не узнает, что она убила чистокровного в целях самообороны. Неужели всё это было обманом? Действие, чтобы гарантировать, что Алекс выживет, чтобы она смогла Пробудиться, дав ему силу Убийцы Богов?

Да, я никогда полностью не доверял паршивцу, временами, когда я что-то видел, то, чего я никогда не признаю, в его холодных глазах — глазах, которые принадлежали Алекс в период времени. Что-то в нем пробуждало мою систему предупреждения и бесило как ничто иное. Это могла быть просто его заинтересованность в Алекс, но всё же.

Я никогда не ожидал, что он причинит ей боль.

Если я когда-либо достану этого маленького ублюдка, я убью его или умру от попытки убить.

Но прямо сейчас, Алекс лежала рядом со мной, и чертовски плохо, если я продолжу думать о Сете. Очень осторожно, я опустил свою левую руку и обернул вокруг чересчур тонкой талии Алекс. Из неё вырвался ещё один нежный вздох. Она казалась невероятно маленькой рядом со мной. Как я не мог замечать этого в прошлом? Возможно, из-за того, что всё, что я когда-либо видел — это её силу.

Я мог бы предложить, чтобы она вернулась в кровать или чтобы мы оба перебрались туда, но у меня не хватило духу и не было желания передвигать её. Не тогда, когда её такая близость ко мне,

поднимала расплывчатые горько-сладкие и нежные воспоминания. Я пролистывал воспоминания о днях, проведенных в доме моих родителей и недолгое время в Огайо.

Алекс что-то пробормотала и откинула голову назад, легонько проведя кончиком носа вдоль моего подбородка и челюсти. Мощный поток тепла распространился по мне и прежде чем я понял, что делаю, я повернул голову. Мои губы прикоснулись к её лбу.

— Спокойной ночи, Айден ...

Мой пульс ускорился и улыбка растянула мои губы — настоящая улыбка.

— Спокойной ночи, агарі.

Глава 8

Не протестуя, Алекс приняла Эликсир и внушение следующим утром. Четыре дня спустя, она сделала тоже самое. С каждым разом, я всё больше попадал под влияние процесса, чем она. Алекс действительно не понимала, что я ей давал, только после этого я заговаривал с ней на греческом и она, как обычно, чувствовала себя уставшей.

Но с каждым проходящим днем, в ней проявлялось немного её самой, в то время, когда мы были одни. Присущий ей острый язычок все ещё отсутствовал, к моему огромному сожалению. Кто бы мог подумать, как сильно я скучаю по её остроумным ответам? Она чаще улыбалась и даже, несмотря на то, что она редко отходила от меня, она не перепугалась слишком сильно, когда Леа и Люк внезапно появились в один прекрасный день. Они вели себя хорошо с Алекс, хотя были и немного шокированы тем, насколько другой она была. Они не задержались слишком долго.

Я думаю, это напугало их — увидеть, что на самом деле представлял из себя Эликсир, что он может с ними сделать. Как он уничтожил Алекс изнутри ни оставив ничего, кроме оболочки. Однажды я заметил, как Леа пристально рассматривала Алекс, и было очевидно о чём она думала. Это могу быть я. Она видела себя в неясных, надломленных глазах Алекс.

На третий день у неё началась головная боль, и каждый раз, когда она смотрела на меня и упоминала о боли, я хотел вырвать каждое ребро из груди Сета по-отдельности.

Своего рода определённый режим сложился между нами, пока мы ждали появления Аполлона, в надежде на хорошие новости. Мы проводили день вместе, и в ночное время она, в конечном счете, перешла на диван. Следует признать, что это была моя самая любимая часть суток. Кровать была по-прежнему под запретом. Что-то было интимное в этом, что я один желал, и провел многочисленные часы, отказываясь от этого, но с ней в таком состоянии, это перешло бы все границы.

Алекс вытащила шахматную доску и расположила её на кофейном столике, пока я наблюдал за ней. Боги, я любил даже просто за ней наблюдать. Звучит это чертовски нездорово, я знаю, но мои глаза просто пожирали её. В ней было изящество, которое она сохранила, даже после принятия трех доз.

— Сыграем? — Она уселась на пол с другой стороны кофейного столика.

Я учил её играть в шахматы. Когда я кивнул и стал присаживаться на пол, она схватила одну из пешек и установила её на ближайшую к ней линию.

Обучение её игре в шахматы, на самом деле, не заладилось.

Когда она отвела взгляд, я потянулся вперед, заменив пешку на коня. Сложив руки под подбородком, она слушала пока я снова озвучивал правила. Как только я закончил, она сделала первый ход, сдвигая пешку вперед на одну клетку.

Я попытался вообразить игру в шахматы с Алекс в иное время, к примеру месяц назад. Представить себе, её сидящую спокойно в течение достаточно длительного времени и обладающую терпением для такой игры как шахматы, было невозможно. Зная её, она разбросала бы шахматные фигуры уже к этому моменту. Я рассмеялся.

Алекс вздёрнула подбородок и ухмыльнулась.

— Что?

— Ничего, — ответил я.

Всё ещё улыбаясь, она переползла на мою сторону и села рядом, затем потянулась через доску, сдвигая другую пешку прямо на ту позицию, на которой должна стоять моя. Я снова рассмеялся.

— Ты не можешь сидеть рядом со мной и играть в шахматы, agari.

Ей плечи приподнялись.

— Мне нравится сидеть рядом с тобой.

Мне тоже нравилось. Я передвинул пешку вперёд, не забирая её пешки.

— А еще мне нравится, когда ты смеешься. — Она положила палец себе на губы, её брови нахмурились, пока она изучала доску. — Я думаю, ты мне просто нравишься.

Мой рот открылся, но из него ничего не вырвалось.

— Иногда я чувствую ... чувствую словно я должна сделать больше, — она приподняла ладью, — чем это. С моей жизнью. — Она поставила её на место и взглянула вверх, изучая моё лицо. — С тобой, тоже.

Я понимал, что мне надо ответить, но было чересчур много всего, что я хотел сказать.

Она подвинулась ближе и положила голову мне на плечо. Прошла секунда.

— У меня есть эти воспоминания. Некоторые, действительно, хорошие, а другие тёмные и багровые. — Она потёрлась щекой о моё плечо. — Я знаю, что есть больше... всего этого.

— Есть, — прошептал я, наблюдая как ресницы развернулись веером над её щеками, её губы приоткрылись.

— Мне нравится это. Мне нравится, когда ты обнимаешь меня ночью. Это кажется правильным ... настоящим. — Она призадумалась, ресницы взметнули вверх. — Спасибо тебе.

— Не за что. — Мой голос прозвучал заметно тягостно.

Алекс подняла голову, её губы съёжились.

— У меня создается впечатление, что ты не часто такое говоришь.

У меня спёрло дыхание. Клубок эмоций сформировался у меня в груди.

— Нет.

— Тебе нравится это? — Её взгляд был направлен на доску, её пальцы кружили над неверными фигурами.

— Конечно, нравится, агарі — я опустил руку ей на плечи и наклонился, прижав губы к её виску, затем к её подбородку. Её щеки приподнялись, когда на лице появилась улыбка, тоже произошло и с моей грудной клеткой, и этот комок в груди сжимался и сжимался. Я прижал лицо к копне волнистых волос и вдохнул.

Аполлон говорил, что знает на что такого рода любовь способна. И я, наконец, понял, почему Парис рискнул своей страной и своей кровью ради Елены. Эгоистично, да, но я понимал. Я сожгу дотла весь мир, если это потребуется, чтобы Алекс была в безопасности.

— Тук, тук — послышался голос Дикона.

Алекс напряглась.

Отодвинувшись от неё, я поднял взгляд. Он стоял в дверном проеме с легкой улыбкой на лице. Одёрнув руку, я встал, с удивлением обнаружив, что мои ноги ослабли.

Взгляд Алекс метался от моего брата ко мне, и она, должно быть, прочитала что-то в моих глазах, потому что она расслабилась и вернулась к шахматной доске.

— В чём дело? — спросил я.

Он неуверенно вошел в комнату.

— Ты как?

Мои губы дёрнулись.

— Играю в шахматы с Алекс.

— Вдохновляюще. — Дикон наблюдал за тем, как Алекс передвигала свои шахматные фигуры по доске в беспорядочном порядке. — Люк связывался с Оливией. Она со своей матерью и они присоединились к Лаадан. Они хотят приехать сюда.

— Если они с Лаадан, тогда я им доверяю. Хотя, согласуй это с Маркусом.

— Мне нравится Маркус. — Алекс поднялась и медленно переместилась ко мне.

Дикон приподнял бровь.

— Ну, это странно ...

— Дикон, — предостерёг я.

Алекс улыбнулась мне, держа слона в руках.

— Шах и мат?

Он сдавленно рассмеялся.

— Милостивые боги, она словно Человек дождя.

Ярость разносилась по мне настолько быстро, что у меня перед глазами встала красная пелена, а затем Алекс нахмурилась.

— Человек дождя это хорошо? — спросила она.

Делая шаг в направлении моего брата-идиота, я взорвался.

— Пошел к черту отсюда, пока я не задушил тебя.

Распахнув широко глаза, Дикон вскинул руки вверх.

— Тише, я просто пошутил. Я имел ввиду, да ладно, что она довольно непредсказуемая сейчас.

Гнев проносился по мне. Он был моим братом. Я любил его, но проклятье, он никогда не думает о том, что говорит. Понизив голос я сказал:

— Ты вообще понимаешь насколько это оскорбительно по отношению к Алекс?

Он моргнул, его щеки вспыхнули.

— Я не подумал...

— Действительно.

— Я не подразумевал что-либо такое, Айден. Извини. — Его взгляд переместился за меня и он нахмурился. — Мне действительно жаль.

Делая глубокий вдох, я позволил раскаленной ярости соскользнуть с моей раздражённой кожи.

— Я знаю. Это просто так ... — не было необходимости заканчивать фразу. Дикон знал. — Я не думал ... кричать на тебя. Просто предупреди Маркуса о Лаадан и Оливии. Хорошо?

Дикон выглядел так, будто он хотел сказать еще что-то, но

благоразумно кивнул и вышел из комнаты.

Вздыхая, я развернулся.

— Алекс...

Место, где она стояла, опустело. Проклятье. Я должен был быть более осмотрительным. Кричать и угрожать выбить дерьмо из Дикона в её присутствии не было умным поступком. Я абсолютно забыл, что это была не Алекс.

Это была напуганная девочка.

Мои глаза осмотрели комнату, остановившись на двери шкафа для белья. Она была приоткрыта, открывая тонкую полоску темноты. Она не...

Мысль об Алекс — моей сильной, красивой и жизнерадостной Алекс — прячущейся в шкафу, убивала меня. В течение одного удара сердца, я не мог ни двигаться, ни дышать. Это я сотворил такое с ней — дал ей Эликсир, изменил её во что-то, что убегало, когда голоса повышались. И я хотел винить Сета за его влияние, за связь, которая сковала его с ней, которая привела нас к этому выбору, но я был тем, кто силой влил ей в рот Эликсир.

Мне не было прощения.

Отбрасывая в сторону крутящую смесь сожаления и ярости, я проделал свой путь к шкафу и медленно открыл двойные двери. Это был глубокий шкаф, с несколькими полками наверху, заполненными стеганными одеялами. Несколько бумажных пакетов для хранения одежды свешивались с перекладины. Мой взгляд упал вниз. Пять крошечных пальчиков выглядывало из пакета.

Я закрыл глаза и выругался себе под нос, затем я развёл пакеты в стороны. Алекс одёрнула ногу назад, и я мог услышать, как она перемещалась глубже в укромное место. Опустившись на колени, я нашел её, вжавшуюся в стену, прижимающую колени к груди с широко распахнутыми глазами.

— Ах, Алекс.

Она с опаской посмотрела на меня.

— Меня зовут Александрия.

И вот так запросто, все эти дни с попытками вытащить её из

порождённой Эликсиром раковины были потеряны.

— Хорошо, — я сел, скрестив ноги, и взъерошил пальцами свои волосы, размышляя о том, как повести себя в этом случае. Как-то у Дикона были ночные кошмары, когда он был маленьким. Он не прятался в шкафу, но он кричал, словно фурия. Мне приходилось ему читать. Почему-то я сомневался, что это сработает сейчас. — Ты в порядке?

Прошло мгновение.

— Я не люблю крики.

— Я знаю. Мне жаль. — И я действительно сожалел. — Но я никогда бы не причинил боль Дикону. Он мой брат.

Замешательство промелькнуло у неё на лице.

— Ты сказал, что собираешься придушить его.

Мне на самом деле хотелось придушить его сейчас.

— Я не подразумевал этого. Иногда, когда мы расстроены, не подумав, мы говорим такие вещи.

Казалось, что она обдумывает это.

— Когда ты кричал, я кое-что увидела.

— Что? — Я осторожно передвинулся, стараясь не напугать её.
— Что ты увидела?

Раскрыв свои ладони, она уставилась на них. В её руках был слон, оставивший после себя багровые отметины от того, как плотно она сжимала его.

— Кровь — на моих руках была кровь, но это было не здесь. Не на самом деле.

Я не имел понятия, что она имела ввиду, но я придвинулся к ней, пока она говорила, и она, казалось, этого не заметила. Я сел рядом с ней, вытянув ноги в стиснутом пространстве. Моё плечо коснулось её, и её взгляд внезапно метнулся на моё лицо, вопрошающий и нерешительный, но не напуганный.

— У тебя всё ещё есть кровь на руках?

Алекс покачала головой.

— Я также кое-что слышала. Это был голос, — продолжила тихо

она. — Это было важно.

Мой желудок упал. Мне не нравилось куда это шло, к чему вело. Если она начала вспоминать события, это значит что ей необходима новая доза, новое внушение. А я дал ей последнюю дозу всего два дня назад. Я вздохнул.

— Что это было?

Её пальцы изогнулись вдоль краев слона.

— Ты убьешь того, кого любишь. — Она подняла свой взгляд. Слезы блестели у неё в глазах. — Я убила?

— Алекс ... — У меня не нашлось на это. Её нижняя губа начала дрожать, и моё сердце сжалось. Я принял решение. — Нет. Ты никогда никого не убивала.

Она моргнула и её голос был немного успокаивающим шепотом.

— Не убивала?

— Нет, агарі тоу, не убивала.

Вытерев слезы под глазами рукавом, она вздохнула. Страдание дошло до предела из-за всплывшей на поверхность тайны, как и замешательство.

— Мне снилось, что я убивала, снова и снова.

Я улыбнулся ей, несмотря на то, что сжимается моя грудная клетка.

— Это просто сны. Вот и всё.

Прошло несколько минут, и затем она прижалась ко мне, ёрзая до тех пор, пока не устроила своё тело под моей рукой. Она свернулась клубком, положив свою голову мне на грудь и я сложил свои руки поперек ее.

— Ты очень хороший, даже несмотря на то, что ты говоришь, не подумав.

Я покачал головой, но обхватил её руками.

— Я когда-нибудь рассказывал тебе о том, как я впервые увидел тебя?

Она вздрогнула.

— Нет.

Закрыв глаза, я почувствовал как она прижалась ко мне. Моя рука затерялась в толстом материале её свитера. Я положил свой подбородок ей на голову.

— Мне было шестнадцать, а тебе, вероятно, четырнадцать.

— Я не помню, что мне было четырнадцать.

— Это нормально. Я помню за нас двоих. — Я сосчитал до десяти, прежде чем продолжил, убедившись, что мой голос не звучит огорченным. — Был почти конец дня и я направлялся в тренировочный зал с другом. Занятия всё ещё шли, я подошел к двери — она была открыта — и услышал смех. Такое обычно не услышишь во время тренировки. Мне пришлось остановиться и увидеть, что происходит.

Это был первый раз, когда я увидел её. Никто не мог не заметить её. Она была самой младшей в классе, самой маленькой и худенькой среди всех своих оппонентов, но это не было тем, с чем она мирилась. На её лице была озорная ухмылка, энергия, которой она заражала, когда прыгала по матам, водя кругами светловолосого парня. Инструктор был раздражен, несомненно, ею и вниманием, которого она добилась от чистокровного и тем, что весь класс не отрывая глаз наблюдал за ней. Но как-только я увидел её, я не смог отвести взгляд. Это было сродни удару молнией.

— Ты тренировалась с Кал — с другом — отрабатывая броски тэйкдаун. (прим. пер. — бросок проводится без подъема противника в воздух и без характерной для броска амплитудности. По своей сути тэйкдаун представляет собой сваливание противника на землю, чтобы продолжить схватку там.) Он пытался взять верх, но ты удерживала его в положении лёжа, все это время смеясь. Вы оба смеялись. Вот почему я смотрел.

— Ты тогда познакомился со мной? — Сонно спросила она.

— Нет. — Я прижал её ближе, словно если бы мог вобрать внутрь себя и сохранить в безопасности. — Но я понял, в это момент, что ты изумительная.

Глава 9

Аполлон появился, как раз после принятой Алекс четвертой дозы, не принеся никаких новостей. Стражи не достигли Нью-Йорка.

Они остановились в Пенсильвании и рассредоточились. Колхидские быки последовали за ними. Сет и Люциан находились всё ещё в Нэшвилле. По всей видимости, их армия удвоилась.

Тот факт, что так много Стражей хотело присоединиться к ним по собственному желанию, меня не удивлял. Им предложили то, что никто из нас никогда не предлагал, и они были готовы добровольно умереть за свободу.

И была большая вероятность, что они умрут, по утверждению Аполлона.

— Аид, Посейдон и Деметра, — Аполлон перечислял имена, загибая пальцы, его глаза были ярко-синими. — И Арес, который, кстати, сильно взбудоражен, Гермес и Гера, все поклялись вступить в войну.

— Гера? — Я почесал подбородок. — В конце концов, у нас есть Зевс.

Аполлон закатил глаза.

— Это ничего не значит. Он, вероятно, примкнет к нам, только из-за ссоры с Герой, но у нас есть Афина и Артемида. Это уже что-то.

— Итак, они готовы ждать и наблюдать? Они дадут нам время?

Он кивнул.

— Они не хотят новой войны. Не после того, что случилось с Титанами. Так много смертных было потеряно тогда, и с тем уровнем населения, которое мы имеем сейчас, потери будут в несколько раз больше.

И наша единственная надежда, что Алекс каким-то образом разорвет связь с Сетом и уничтожит его. Я взглянул на спящую девочку, свернувшуюся в клубок рядом со мной на диване. Перспектива была мрачная.

— И никто не нашел ничего, что может разорвать связь?

Аполлон вздохнул.

— Нет ничего, что кто-либо из нас может найти, Айден. Ни в старых мифах, ни в свитках. И если хоть кто-то из тех шестерых и знает, то они точно не скажут. — В тот момент появилась огромная печаль, которая вызвала страх, готовый взорваться у меня в желудке.

— Я изучил все предсказания. Они не изменились. Один для разрушения. Другой для спасения. Только один может жить в каждом поколении.

Он отклонился назад, качая головой.

— Я не могу позволить моим братьям вступить в войну.

Я положил руку на плечо Алекс.

— Ты ставишь на ней крест?

— Я готовлюсь к худшему. — Аполлон встал. — И не надо меня бить, Айден, но я думаю, тебе тоже стоит готовиться к этому.

Мою кожу обожгло, и я произнес сдержанным голосом:

— Ты попросил меня посадить её на Эликсир, и я еще тогда тебе сказал, что ты просишь о многом, но я сделал это. Просить меня отказаться от неё — это неприемлемо.

— Я не ставлю крест. — Он присел, глазами встречаясь с моим взглядом. — Я гарантирую, что о ней позаботятся, даже позволю тебе навещать её. Мы сможем сделать так же, как с Персефоной.

Я втянул громко воздух, который вырвался наружу, прозвучав словно рычание.

— Ты просишь меня позволить тебе убить её?

— Я гарантирую, что это не принесет ей боли, — сказал он, снова поднявшись на ноги. Он развернулся — рискуя предположить, что я был близок к тому, чтобы вонзить ему в спину кинжал. — Это не просто для меня. Я забочусь о ней. Она, практически, мой ребенок. И я наблюдал за ней годами, начав задолго до того, как ты узнал её. — Он повернулся ко мне лицом, руки сложив на бедрах. — Это будет не только твоя потеря, но только один из них может жить и я не могу этого сделать с Сетом. И я не знаю, с кем он связан.

Мои руки сжались в кулаки, когда я переместился и встал между Алекс и Аполлоном.

— Пошел вон.

— Айден...

— Я не шучу. Пошел вон.

Его глаза вспыхнув стали полностью белыми. Никаких зрачков.

Ни радужки.

— Я тебе позволяю со мной так разговаривать только потому, что я понимаю твою любовь и боль, так как я ощутил такое же на себе. Гиацинт не был обращен в цветок моими братьями. Я сделал это сам. Это был единственный способ спасти его от них. Поэтому я знаю, что творит любовь и боль, которая наступает от жертвы такого рода. Но не питай иллюзий, я не сожалею о том, что мне пришлось сделать. И я поступлю также снова.

Я оставался на месте, между ними, мои ноги были широко разведены, настолько готовы для сражения, что я мог вкусить это.

— И ты не питай иллюзий, Аполлон, я не принесу такую жертву.

Я не мог больше находиться в доме. Мои нервы были натянуты словно тетива, моё тело было готово к борьбе. Жажда крови овладела мной.

Мне нужен свежий воздух.

Как и Алекс. Как только она проснулась, она стала сумбурной, не могла спокойно просидеть дольше пяти минут.

Впервые, с момента её Пробуждения, я вывел её из дома. Наблюдение за тем, как радостью озарились ее глаза и прохладный ветерок смахивает волосы с ее щек, уменьшило темноту, растущую внутри меня. То, как она слишком возбужденно, почти подпрыгивая, делала каждый шаг, пока прокладывала свой путь мимо упавших веток и кустарников, напомнило мне о прежней Алекс.

Особенно когда она неожиданно остановилась, заметив маленький ручеек впереди. Она быстро развернулась и обняла меня.

Удивленный неожиданными эмоциями, я застыл, затем обернул свои руки вокруг её талии и откинулся назад.

— Это за что?

Алекс пожала плечами.

— Мне просто захотелось.

Я поймал её руку, когда она колеблясь отстранилась.

— Мне нравится это.

Она улыбнулась.

— Может быть я сделаю это снова. — Взглянув через плечо, возбуждение гудело в ней. Она потянула меня вперед,

Отпустив её руку, я остановился. Она снова посмотрела через плечо, нахмутив брови.

— Ты можешь идти. — Подгонял её я.

— Ты уверен?

Я кивнул, и затем она прислонилась к старому дубу. Её пристальный взгляд блуждал по моему лицу и, казалось, что она нашла там то, что искала. Она повернулась, медленно направившись в сторону устья ручья. Её шаги были быстрыми, но не судорожными. Вздвинутое состояние, которое она испытывала весь день, в конечном итоге, возрастёт. Скоро разрушающая боль снова резко атакует её, когда устойчивость к Эликсиру возрастёт и Сет начнёт долбить её, действуя с расстояния.

И если я не дам ей большую дозу вместе с усиленным внушением, связь между ними снова сформируется.

Закрыв глаза, я откинул свою голову назад. Должен быть другой выход. Мы не можем продолжать делать это с ней. Рано или поздно, эффект Эликсира перестанет действовать. Она останется такой, как сейчас, навсегда — навсегда застрявшая между сильной и решительной Алекс и этой наивной, ослабленной Александрией. Совершить с ней такое было неправильно. Превратность этого обволокла мой рот и горло подобно желчи. Кислота бурлила у меня в животе, прожигая дыру в душе.

И Аполлон ... он опустил руки, даже если он и не хотел этого признавать — сдался и готовился убить Алекс.

Крепко сжав челюсть, я открыл глаза. Алекс сидела на упавшем бревне рядом с медленно бегущим ручьем. Она что-то держала в руках — цветы? Её лицо было повернуто в сторону и уголки её губ были опущены. Печаль пробралась в черты её лица.

Я оттолкнулся от дерева, но остановился, когда она подняла лепесток и положила его на бревно. Затем еще один и еще один, до тех пор пока десять или примерно столько лепестков не сформировали замкнутый круг рядом с ней. Она положила ещё два, завершая круг, и затем разместила еще два лепестка внутри.

Мою грудную клетку сжало и, без какого-либо предупреждения,

раскалывающая энергия быстро пронеслась по моей коже. Я развернулся, ожидая обнаружить Аполлона — или еще хуже, недружелюбного бога. Я резко втянул воздух.

Эфирное свечение окружало женскую фигуру и медленно спадало, открывая взору стройную женщину, которая возвышалась надо мной. Лилии украшали коричневые волосы, которые были убраны наверх её головы в виде замысловатого лабиринта из косичек. Абсолютно белое платье покрывало её тело и оставляло мало места для воображения. У меня сложилось ощущение, что мне надо отвести взгляд, но я не смог этого сделать. Она была почти до боли красива — нереальна.

Появилась слабая улыбка.

— Здравствуй, Айден. — Её голос был симфонией, и я начал кланяться, но она остановила меня, подняв руку. — В этом нет надобности. В отличие от своих братьев и сестер, я не имею пристрастия к формальностям.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы найти дар речи.

— Ты одна из сестёр Мойр ... одна из богинь Судьбы.

— Я — Клото.

Страх сформировал холодный, твёрдый комок в центре моей груди. Клото была ответственной за плетение нити жизни человека, но она также решала, когда боги могут быть спасены или приговорены к смерти. Я мельком вбросил взгляд через плечо на Алекс. Неужели её могущество приравнялось к богоподобным созданиям? Я переместился, чтобы закрыть Алекс от её взгляда.

Клото рассмеялась, смех был нежным и мелодичным.

— Я здесь не для того, чтобы нанести ей вред, и даже если бы я была здесь ради этого, я не могу оборвать её нить. Как и не сможет Атропа.

Испытав облегчение от этой порции информации, я повернулся лицом к богине.

— Почему ты здесь?

— Я наблюдала за вами двумя. — Она шагнула в сторону. Солнечный свет, пробиваясь сквозь ветви, стекал по её обнаженному плечу и поверх платья. Материал мерцал. — Я знаю, что тебе больно

видеть её такой. Ты слишком сильно её любишь.

Я не видел причины, никакого основания, чтобы врать богине Судьбы.

— Больше всего на свете, и без неё... — Прочистив горло, я отвел взгляд. Я не смог закончить предложение, позволив ей самой домыслить.

— Продолжать жить будет подобно существованию без половины себя? — Она кивнула, когда я снова на неё посмотрел. — Ваши нити сплетены. Это не моих рук дело, понимаешь?

Я ни черта не понимал. Теперь я понимал чувство безысходности, когда она разговаривала с оракулом. Я открыл было рот, но затем закрыл его. Осознание проскользило по моей коже, словно вязкое масло.

— Ей было Предназначено Судьбой быть с Сетом, верно?

Она посмотрела на меня и её улыбка угасла.

— Было, но у Судьбы много на неё планов.

— Что с ней произойдет? — Спросил я прежде, чем смог остановить себя. Каким-то образом я знал, что задавать богине Судьбы подобного рода вопрос было равно невзрачным навыкам общения.

— Ты не спрашиваешь себе?

Конечно, было любопытно, но моя судьба меня не интересовала. Я отрицательно покачал головой.

Её брови приподнялись.

— Большинство не прошло бы мимо возможности узнать свою судьбу, но я не могу рассказать тебе, что же ждет твою Александрию. Некоторые вещи неизвестны даже нам.

Разочарование просочилось в меня, обернув свой путь вокруг моих костей, словно прилегающий переплёт. Я повернулся обратно к Алекс. Она наблюдала за нами, широко раскрыв глаза, её руки застыли над лепестками.

— Всё хорошо, — я выкрикнул ей.

Алекс была без движения целую минуту, и затем собрала все

сорванные ею лепестки, побросав их в ручей один за одним.

Клото тоже наблюдала за Алекс.

— Их нити плотно сплетены — Первого и её.

Мои кисти рук сжались.

— И нет способа их распутать?

Она склонила голову.

— Нет. Также как и ваши не могут быть распутаны. Судьба это судьба, понимаешь, но есть кое-что, чего мы не принимаем во внимание, когда скручиваем нити жизни, даже когда мы разрываем их.

Часть меня не ожидала получить ответ, но я все же спросил.

— И что это?

— Любовь. Мы не принимаем в расчет любовь.

Я посмотрел на неё.

— Серьезно?

Она рассмеялась и смех разнесся ветром.

— Любовь — это такое дикое и безрассудное создание. Её нельзя запланировать или спрясть. Она неконтролируема. Любовь может существовать одновременно с Судьбой, или может уничтожить её. Любовь — это единственное наиболее могущественное творение, чем Судьба.

Слова медленно впитывались в меня, пока я пристально смотрел на богиню. Не поэтому ли богиня нанесла такой неожиданный визит?

Её белые глаза пылали и зудели электричеством.

— Ты хочешь знать как разорвать связь?

У меня перехватило дыхание.

— Да.

Бровь Клото изогнулась, выказывая симпатию. Шагнув вперед, она положила маленькую ладошку мне на грудь, прямо над сердцем.

— Нет ни бога, ни человека, способного разорвать их связь, но всё ещё есть надежда. — Она опустила руку и отступила, кивая

головой. — Есть сердце, Айден. Есть любовь, а это означает, что всегда есть надежда.

Затем Клото окружило нечёткое мерцание и она исчезла. Чувствуя себя так, словно мои нервы были обнажены, я выхаживал вокруг упавших веток и поваленных деревьев. Достигнув берега, где находилась Алекс, я осознал, что затаил дыхание.

Что-то внутри меня формировалось, складываясь вместе в единую картину.

Алекс повернулась ко мне, её раздробленные глаза встретились с моими. Смесь коричневого и золотого была настолько красивой, насколько это было душераздирающе. Я действительно вглядывался в них, ища доверие, которое всегда было там, сильную привязанность и любовь, спрятанные глубоко внутри неё. Никакой шнур — никакая связь — не могли полностью уничтожить это. Именно поэтому она не разбила ожерелье, которое я сделал для неё.

Всё ещё была надежда.

Клото сказала, что любовь сильнее Судьбы. Было ли это на самом деле ответом на то, что я искал? Любовь — наша любовь друг к другу?

Затем я вспомнил, что однажды мне сказала Алекс. " Я не потеряю себя потому, что ... ну, то что я чувствую к тебе, это никогда не позволит мне забыть кто я есть на самом деле."

Почему-то я забыл об этом. Я верил, что она забыла кто она есть, но в действительности никто из нас, особенно я, не имел надежды, как только она Пробудилась — не такого рода нескончаемую веру, которую видят люди в нелёгкие времена. Допустим, что это не было обычное нелёгкое время, с которым сталкиваются пары.

И что я ответил ей тогда? "Я никогда не позволю тебе забыть кто ты."

Опустив свой взгляд, она раскрыла ладонь и оставшиеся лепестки вылетели из её хватки, развеваясь по земле, словно тоненькие рваные кусочки бумаги.

— Здесь красиво ... и тихо. Мы можем побыть здесь немного подольше?

Я не был уверен в том, что я делаю, когда я положил свои ладони

ей на щеки, отклонив её голову назад.

— Алекс ...

Вместо того, чтобы исправить своё имя, она позволила этому соскользнуть. Её глаза изучали мои.

— Айден?

Мои губы изогнулись в улыбке для неё — всегда для неё.

— Ты веришь в любовь?

— Да, — ответила она без колебаний. — А ты?

— Верю. — Мои руки соскользнули ей на плечи и она вздрогнула. — Я верю в любовь.

Густые ресницы снова распахнулись веером над её щеками и ухмылка слегка коснулась её губ.

— Я думаю, что влюблена.

Всего четыре слова остановили моё сердце, тогда как встреча с полчищем демонов не смогла этого сделать.

Она прикусила губу и слабый румянец окрасил её щеки.

— Я чувствую это здесь, — сказала она, положив руку на грудь и затем на живот, — и здесь. Это так, словно недостаточно воздуха или места внутри меня. Так, что я могу ... разорвать кожу или утонуть в этом, и это не будет плохо. Я не знаю почему я чувствую все это, но я всегда так чувствовала ... и буду чувствовать. — Она приподняла подбородок и всё её лицо было залито румянцем. — Это ты. Я ... я люблю тебя.

Сердце сильно колотилось, я притянул её к себе в сильные объятия, подняв её вверх, оторвав от земли. Её хихиканье было сдержанным, но лёгким. Я уткнулся лицом ей в волосы.

— Я люблю тебя, Алекс, всегда тебя.

Глава 10

Решительность разгоралась во мне как праведный огонь. У меня был план — у меня была надежда — и ничто меня не удержит от того, что я собирался осуществить.

После того, как я уложил вымотанную Алекс в спальне, я быстро переоделся в форму Стража. Чувство правомерности наполнило меня,

когда я фиксировал кинжалы и зашнуровывал, как называет их Алекс, мои "надирающие задницы" ботинки. Я улыбнулся.

Я не одевал форму с момента, как мы покинули Божественный остров.

Выпрямившись, я мельком взглянул на себя в зеркало. Чисто выбритый с волосами, убраными назад, я выглядел и чувствовал себя другим человеком. Тяжелый груз, который лежал у меня на плечах, спал, как только я принял решение.

Я вышел из ванной комнаты, заглянул и проверил Алекс, поцеловал её в висок прежде, чем спустился вниз. Мне потребовалось несколько минут, чтобы созвать всех Стражей, которые остановились на своем пути на восток. Я отправил их паковать вещи.

Солос следовал за мной по пятам.

— Что ты делаешь, Айден?

— Им здесь не место.

Он уставился на меня, пока я закрывал дверь за последним убывшим Стражем и отступил назад,

— Они окажутся полезными, если Сет найдет сюда дорогу, ты же знаешь.

— Нет, не окажутся. Никто не остановит его, если он найдет сюда дорогу. — Я преклонил колено, вытаскивая кинжал Ковенанта. — Только Алекс будет способна остановить его.

— А Алекс настроена его остановить?

— Пока нет.

Маркус появился в холле позади нас.

— Что происходит?

— Приведи сюда Леа и моего брата. Нам надо поговорить. — Я сделал порез на ладони, прошипев от вспышки боли. Кровь хлынула быстро. Я положил ладонь на пол и начал рисовать символ, который я видел в доме Люциана.

Маркус втянул воздух.

— Айден, что...?

— Приведи их. — Я закончил с изображением змеи. Мгновение

спустя, вспышка яркого белого света наполнила холл. Стены ярко осветило, изолируя поместье, тем самым препятствуя входу Аполлона в дом. Я встал, обернул лоскут ткани вокруг ладони. — Я объясню.

— Милостивые боги, я очень надеюсь.

Солос всё так же продолжал пялиться на меня.

— Айден решил поиграть в Рэмбо.

Все собрались в рабочем кабинете. Нервная энергетика окружала Леа и Люка. Только мой брат, казалось, был расслаблен. Вероятно, он уже видел меня в таком состоянии ранее и знает, что ничто не сможет изменить моего решения, как только оно было принято.

Ничто, за исключением Алекс, и это касалось Алекс — это было ради Алекс.

Я встал перед ними.

— Единственный способ для Алекс разорвать связь — это сделать всё самостоятельно. Никто — ни бог, ни магия — не сможет этого сделать. Она должна это сделать. И я верю, что она сможет, если получит шанс.

— Мы не давали ей шанса? — Спросил Солос.

— Не достаточно, — я ответил ему, готовый отправить его зад в полёт через окно, если он не согласится. — Но я верю в неё — у меня есть надежда. А надежда это то, в чём мы нуждаемся. Я прекращаю давать ей Эликсир.

Маркус пристально посмотрел на меня, затем кивнул.

— Что Аполлон сказал на это?

И вот загвоздка.

— Он ставит на ней крест, и он готовит себя к её убийству. Только один из них может существовать и она единственная с кем он может что-то сделать.

Они не стали спрашивать что это означает, но я думаю, все прекрасно поняли.

Леа прищурила глаза.

— Он не может.

— Он это сделает. И я понимаю почему. — Моя челюсть ныла от произношения таких слов. — Он должен защитить человечество. Это то, чем он занимается. Но я не ставлю на ней крест. И если кто-то из вас перестал надеяться, я полагаю, тогда вы должны покинуть дом сейчас же.

Никто не сдвинулся с места, но я ждал, давая им достаточно времени сделать выбор.

— У меня нет никаких сомнений, что Аполлон будет взбешен, когда осознает, что я сделал и что я планирую сделать. Если вы останетесь здесь ...

Недосказанные слова повисли в комнате. Они знали. В довершении всего этого, они столкнуться лицом к лицу с гневом Аполлона.

Люк взглянул на Дикона и улыбнулся.

— Аполлон в какой-то степени выводит меня из себя, как бы то ни было.

— Без сомнений, — ответил Дикон, сотрясая плечами. — И с другой стороны, если ты веришь в Алекс, верю и я. Ты знаешь её лучше, чем каждый из нас.

— Верно. — Маркус улыбнулся, прислонившись к дивану. — Я в деле.

Солос вздохнул.

— Это сумасшествие, но какая к черту разница? Я пришел сюда, чтобы защитить Алекс. А не передавать её в руки, чтобы её убили как собаку.

Я повернулся к Леа, и впервые за долгое время, она ухмылялась.

— Я хочу посмотреть на то, как Алекс надерёт задницу Сету. Кто-то должен это сделать. Будет несправедливо, если она умрет ради того, чтобы он жил.

Я выдохнул с облегчением.

— Вы должны понимать, ребята, что это может принять плохой, очень плохой оборот.

Никто не двигался в течение некоторого времени, и затем Маркус вышел вперед, похлопав меня по плечу.

— Мы прикроем твою спину, Айден. Тоже самое мы сделаем и для Алекс.

И это было тем, что мне надо было услышать.

— Она может сделать это. Я знаю, она может.

Затем я оставил их, удалившись в спальню. Я пересёк комнату, дошел до кровати и сел. Алекс пошевелилась, вполне осознавая, что она не будет сопротивляться, когда я притянул её в свои объятия, укачивая на груди.

Алекс больше не получит дозу, и когда действие Эликсира испарится, я сделаю худшую вещь, о которой можно только подумать. Я собираюсь поместить её в клетку, а затем просто подожду.

Я буду бороться.

С Алекс. С Сетом. Со всей уймой богов, если потребуется. Никто не заберёт Алекс. Никто не поставит на ней крест или причинит ей боль — даже сама Алекс.

Аполлон превратил Гиацинта в цветок, чтобы защитить его. Я верну Алекс контроль, чтобы она смогла защитить себя, вместо того, чтобы принимать за неё решение. Вот в этом мы отличались от богов.

Я опустил свои губы на её щёку и не разрывал поцелуй, удерживая её всё крепче и крепче. Боги захотели войны?

Они её получают.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigochei.net